

СБОРНИК
Клуба любителей поэзии
«СОНЕТ» г. Курган

Верстка, оформление, дизайн: С.И. Лагуткин

Вступительное слово

Уважаемый Читатель! Сборник, который Вы сейчас держите в руках, это первый сборник поэтического клуба «Сонет».

Несмотря на довольно большой временной промежуток со дня создания Клуба, вопрос о выпуске коллективного сборника не возникал скорее в силу традиционной направленности его работы, определенной еще создателями «Сонета» в таком сегодня далеком от нас 1963 году:

«... изучение творчества поэтов, обсуждение стихов молодых поэтов и главное – пропаганда поэтического слова в массах, на заводах в общежитиях».

С момента возрождения Клуба осенью 2008 года члены клуба обращались к творчеству многих поэтов самых различных периодов истории России. Планы работы на год строятся с учетом предложений представителей библиотеки имени В. Маяковского и участников клуба.

Например, в 2017 году литературно-музыкальные композиции и поэтические часы были посвящены юбилярам того года Римме Казаковой – «Как просто быть счастливой в этом мире», Роберту Рождественскому – «Жил я впервые на этой земле», Беллы Ахмадулиной – «Все сказано строкой», Максимилиану Волошину – «Путник по Вселенным», Станислава Куняева – «На все недоставало сил. Но я фортуне благодарен», Константина Николаевича Батюшкова и Алексея Константиновича Толстого Толстого и других поэтов.

В текущем году рассматривалось творчество Андрея Дементьева, Эдуарда Асадова, Михаила Танича.

Клуб всегда работал и работает в тесном контакте с сотрудниками библиотеки Маяковского. Их высокий профессионализм – основа детального изучения каждой темы. Сегодня Клубу помогают Ольга Николаевна Жеребцова и Ольга Александровна Филимонова.

Возвращаясь к сборнику клуба «Сонет», хочется подчеркнуть некоторые немаловажные моменты.

Его появление вызвано не только желанием каждого пишущего увидеть свои строки напечатанными, что уже не так просто в нынешних условиях с материальной точки зрения.

Более значимой представляется возможность выступить авторам со своей гражданской позиции. Ведь искренность – это тоже позиция, фиксированное отражение душевных движений на фоне социальных изменений, происходящих на наших глазах, ретроспективной оценки уже прожитого и переоценки прежних взглядов. И, конечно, надежды быть услышанным другими, узнать, что твои слова не затерялись в хаосе обрушающихся на нас зачастую совершенно фальшивых изречений и звуков.

Надеемся, уважаемый Читатель, что Вам будут интересны представленные в сборнике авторы!

**Руководитель поэтического клуба «Сонет»,
член Союза писателей России
Николай Александрович Покидышев**

Из истории Клуба «Сонет»

При составлении сборника мы решили, что история поэтического клуба «Сонет» должна быть представлена в нем документально точно с использованием архивных и газетных материалов. И, начиная этот рассказ, мы не можем не обратиться к истории городской библиотеки имени Маяковского:

«... В 1911 году было решено Библиотеку Общества попечения об учащихся передать в ведение города.

День рождения Курганской городской публичной библиотеки установлен - четверг, 6 декабря 1912 года.

На момент передачи в библиотеке имелось 2870 томов на сумму 1785 рублей в платном отделе и 871 том в бесплатном.

6 февраля 1943 года была образована Курганская область. Курган стал областным центром. Курганская городская центральная библиотека реорганизована в областную.

Через пять лет

Городская библиотека открылась 1 июля 1948 года в небольшой комнатушке облдрамтеатра. Позже переселилась в здание на углу улиц Советской и Ленина.

В 1956 году библиотеке присвоено имя В. В. Маяковского, а с 60-го стала именоваться Центральной городской.

В 1962 году сменила прописку, теперь уже на улицу Пролетарскую. В 1967 году по итогам республиканского смотра-конкурса «Маяковка» признана Лучшей библиотекой РСФСР. Областное управление культуры также отметило работу сотрудников дипломом «Библиотека отличной работы».

Такому творческому подходу библиотека обязана ее директору Клавдии Степановне Журавлевой, заслуженному работнику культуры.

Сегодня мы приоткроем одну страницу истории библиотеки. Речь пойдет о клубе любителей поэзии. 1963 год.

Из отчета «О работе Центральной городской библиотеки им. В. Маяковского по эстетическому воспитанию молодежи»:

...В 1963 году при библиотеке открылся клуб любителей поэзии. Членами клуба стали все читатели, кто любит романтику, кто хотел серьезно изучать поэзию, кто любит вслух поговорить о любимом поэте. Местные поэты на первом занятии клуба написали литературные пародии и дружеские шаржи на своих собратьев.

Клуб определил направление работы – это изучение творчества поэтов, обсуждение стихов молодых поэтов и главное – пропаганда поэтического слова в массах, на заводах в общежитиях.

На одном из занятий клуба шел серьезный разговор о Блоке, это занятие было очень интересным и все слушатели принимали участие в разговоре.

Маленький стульчик большого человека	103
В тумане беззвучных аллей	104
«Афганец» (погибшим на чужой войне)	105
Неба созвездие (о поэзии)	105

СЕМЕНОВА Ирина	107
Жизнь – краткий миг	107
Весна	108
Мой старый город	108
В прикосновениях тумана	109
Моя королева	110
Как понять?	110
Акварель в белом	110
Не жалей...	111
Миражи...	111
Лети строка	112
Пришел январь	112
И окна, как застывшие глаза	112
И тихо, как в церкви...	113
Промолчу...	114
Судьба куражится	114
Бегущие слова	115
Встреча с прошлым	115
На стекле...	116
Одно желание	116
У его королевы...	116
Закоулками памяти	117
Я недавно узнала...	117

УТКИНА Анастасия Викторовна	119
------------------------------------	-----

Пока не поздно	119
Как по минному полю иду...	120
Научи меня жить	120
Вера	121
Родина	121
Страшно...	122
Соберём рассыпанные звёзды...	122
Исток вдохновения	122
Я с тобой	123
Подарок	124
Упущененный шанс	124
Послевкусие	125
Я тобой болею	125

Снегири	67
Разговор в декабре	67
Утро	68
К 2013-му	68
У окна	69
Басня про умную мышку	69
Осень	70
Ёлка	71
Вопреки законам, всем известным	72
 МАЛОРОДОВА Римма	 73
Не уходи подольше, лето	73
Хочу о Родине сказать	74
«Любовь моя»	74
МАГИЯ РУССКОГО РОМАНСА	75
Коварство любви	76
 НОГИНА (АНАРБАЕВА) Римма	 82
ПАМЯТИ КАРАВАНА PQ-17	82
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК	84
ДВОРИК МОЕГО ДЕТСТВА	85
ДА НЕТ, РЕБЯТА...	86
МОИ «ОДИССЕИ»	87
БАЛЕРИНА И ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК	88
 ПОКИДЫШЕВ Николай	 90
МОЙ АДРЕС – КУРГАН	90
В зале ожидания	91
Когда мне было восемнадцать	92
В ЭЛЕКТРИЧКЕ	93
Я умру когда-нибудь от крика	95
Судьба чужая – дебри и потемки	95
Моим друзьям в далеких городах	96
МАЙ 2018-го	96
СОСЛУЖИВИЦЕ	97
 РЫЖОВА Ольга	 98
Ходите в гости	98
Мухи белые пророчеств	99
Старый, старый новый год	100
Ты уехал...	100
Спектакль «Контрабас»...	101
Деревянный контрабас	102

Одно занятие было проведено в общежитии завода Стройдеталь. Разбирали стихи молодых поэтов, которые еще нигде не печатались. Стихи вызвали большие споры. Каменщица Андреева, студентка пединститута Дедова и др. читали свои стихи.

Была встреча художников-студийцев Дворца строителей с клубом любителей поэзии.

Читатели познакомились с работами художников студии. На этой встрече читали стихи местные поэты: Еранцев, Бендик, Милютин и разбирались работы студийцев.

В мае к нам приезжали любители поэзии из соседнего города Шадринска. Была организована встреча молодых поэтов двух городов. Интересно прошла лекция-концерт, прочитанная артистом Магнитогорского театра Трифоновым. Наш земляк Борис Ручьев присутствовал на занятии клуба, Читал свои стихи, рассказал о своих творческих планах и дал критические замечания на некоторые стихи молодых поэтов.

Надо сказать, что состав читателей в клубе поэзии разный: инженеры, журналисты, рабочие.

// Молодой ленинец. – 1963. – 16 октября//

С днем рождения, клуб любителей поэзии!

В минувший четверг любители поэзии, пришедшие в библиотеку им. Маяковского, прочли объявление: «Быть членом клуба могут все романтики, все влюбленные в жизнь и солнце, все, кто хочет серьезно изучать поэзию, кто любит поговорить о любимых поэтах, послушать еще и еще полюбившиеся стихи. Ждем вас, романтики!».

История этого объявления нашим читателям известна: в конце сентября «Молодой ленинец» поместил статью Л. Бендика и А. Еранцева, которая заканчивалась призывом «Даешь клуб любителей поэзии!»

И вот состоялась первая организационная встреча. По общему мнению, она прошла не хуже, чем рисовалась в воображении организаторов.

И дружеские шаржи, висевшие в читальном зале, и сама обстановка исключали всякий намек на уныние и тоску, которые нередко сопутствуют даже самым полезным мероприятиям. И на вступительное слово Алексея Еранцева, и на проект программы клуба, и на другие выступления любители поэзии реагировали бурно и доброжелательно.

«Новорожденному» подарили цветы, его приветствовали веселыми экспромтами.

Слово Леониду Бендiku:

– Пусть будет могуч,
Как дуб,
Наш клуб.

Затем Еранцеву:

– Скажем мы клубу нашему
Заповедь только одну, –
Пусть острого больше, чем каши,
Будет в его меню.

Обрадовала шутка Аллы Львовны Старобинец, родившаяся в полемике:
– Я тоже про это
Скажу несколько слов.
Пусть будет клуб поэтов,
А не холостяков.

...Клубу желали многоного: честных литературных боев, острых мнений, смелости в переоценке литературных ценностей. И главное пожелание – чтобы клуб нашел друзей в лице читателей, ибо без них он зачахнет.

Был предложен и потом в целом принят Устав клуба. Вот некоторые положения Устава:

Членом клуба может быть каждый, кто согласен активно и с полной отдачей принимать участие в его деятельности.

Все собрания проводятся без секретаря, протокола и воды.

Члены клуба имеют право выступать на заседаниях и собраниях, читать стихи – свои и чужие, спорить, петь диригамбы, писать и читать пародии.

Член клуба обязан уважать критику и критиков, любить шутку, помнить о регламенте, не бояться авторитетов и не считать авторитетом себя.

Нытикам и паникерам вход запрещен.

Затем Леонид Бендик, Алексей Еранцев, Владимир Гендель, Виктор Гилев прочли литературные пародии. Чем же будет заниматься клуб любителей поэзии? Обсуждать стихи курганских авторов, следить за новинками, изучать творчество выдающихся поэтов. В планах – творческие встречи, выходы на заводы, рукописный журнал.

Осуществлять эту программу любители поэзии начнут 24 октября (1963 года) – в этот день будет обсуждена сатира В. Милютина. В следующий раз предполагается поговорить о творчестве Александра Блока.

Руководить клубом призвано бюро. Его предстояло избрать. Было предложено несколько кандидатур:

– Еранцев Алексей! Раб газетного пера. Хозяин двух очковых стекол. Тоже поэт. Знает наизусть номера телефонов...

- Старобинец Алла Львовна! Пишет и про любовь. Иногда без любви. Знакома с руководящими работниками. Годна как наставница...

ГЛАЗКОВА Ирина

БЕРЁЗКЕ	34
РОДНОЕ	34
ОСЕННЕЕ	35
ПОЭТ	35
МЫ ПРОЙДЁМ, ЧТО НАМ НАДО ПРОЙТИ	35
РОДИНА	36
НА СКОРОМ	36
ДЕТДОМ	38
Пусть метель за окнами выюжит	38
ПРОСЫПАЕТСЯ УТРО	39
А я набедокурю, а я нахулиганю	39
Мне в мире удивительном твоём	40
ПИСЕМ НЕТ	40

ДЯТЛОВА Марина

Слепец	41
Невыносимо?	42
Красная шапочка	42
Персонажи	43
Черный король	43
Ночь на пирсе	44
В Питере	44
Март	44
Горечь северных морей	45
Жизнь во сне	45
Весенняя тоска	45
Светофоры	46

ЕФРЕМОВА Надежда

Я жду твоего звонка	48
---------------------	----

ЖДАНОВА Нина

ВЕСЕННЕЕ	62
Светит солнце яростно	62
ЖЕНЩИНЫ, ВОШЕДШИЕ В ЛЕГЕНДЫ	63
Была зима. В лесу берёзки стыли	64
Уходят мальчики, уходят	65
НАШИМ ДРУЗЬЯМ	65
С ТЕПЛОХОДА «ШАДРИНСК»	65
День твоего рождения	66

ЖИТНИКОВА Марина

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	3
Из истории Клуба «Сонет»	4
ОСНОВАТЕЛИ	9
ЕРАНЦЕВ Алексей	
Из несобранной книги	
Мать	13
Мёртвый город	13
Так больно, хоть зубами ляскай	14
Акварель	14
Томик Есенина	15
Допьём – и вдребезги бокалы!	15
Пророк (Отрывок из поэмы)	16
Из книги «Глубокие травы» (1970)	
Ты поверь в меня, старый тополь	18
Вставало утро. Было сыро, тихо	18
МИЛЮТИН Владимир	19
Дымок из детства	19
Настроение	20
Августовские строки	21
Карапуз росточком – словно гном	21
Осенние мотивы	21
«СОНЕТ» СЕГОДНЯ. НАШИ АВТОРЫ	22
БЕРЕСНЁВА Людмила	22
Машенька	22
Зауралье моё	26
ВЕТРОВ Андрей	27
Не время предисловий	27
Мастер	28
Дом	28
Городу	29
Обязанность – верить	30
Не моей любви...	30
Мой огонь	31
Здесь по-прежнему всё родное	32
Привет, Париж!	31
Оседает закат полынnyй	33
Здесь в малом кроется...	33

С юмором были охарактеризованы и другие кандидаты в члены бюро. Что же касается серьезной характеристики, то поэты Антонина Баева, Леонид Бендик, Алексей Еранцев (он возглавил бюро), Алла Старобинец, Алексей Пляхин постоянно печатаются на страницах областных газет, их имена знакомы читателям по книжкам стихов и сборнику «Здравствуй, жизнь!». Кроме них в бюро избраны сотрудник библиотеки Е. Исупова (Елена Исааковна Исупова - методист), журналист Кирилл Зеленой.

Итак, «новорожденный» сказал свое первое «ура». С днем рождения, клуб любителей поэзии! В добрый путь!»

Прошли годы...

Газета «Курган и курганцы» от 6 сентября 2007 года: «Приходите в «Сонет»

В свое время при презентации поэтического сборника Людмилы Могильниковой «Веснянка», изданного Курганским отделением Российского союза профессиональных литераторов, было высказано пожелание о создании в Зауралье поэтического сообщества.

Клубы любителей поэзии существуют и сегодня: в Кургане – «Поэтическая горница», в Варгашах – «Есения», в Шумихе – «Лира». А вот клуба, объединяющего всех поэтов области, не было.

И вот на очередной встрече за «круглым столом», прошедшей в художественном музее, было принято решение о создании такого. Клуб любителей поэзии получил название «Сонет». Возглавил его ответственный секретарь журнала «Огни Зауралья» член Союза литераторов Николай Балащенко.

На встречах, которые будут проходить раз в месяц в музее (ул. Горького, 129), поэты будут читать свои стихи, вести беседы, диспуты, открывать новые имена.

И еще прошло время...

На совместном заседании от 17 октября 2007 года правления Российской союза профессиональных литераторов в составе Михайлова В.Ф., Агафонова Ю.П. и Балащенко Н.И. и представителями управления культуры Денисовой В.Н., Бритвина А.М., Савицкой Л.А. было принято решение о создании клуба любителей поэзии при центральной библиотеке имени Маяковского. Руководителем клуба назначен Балащенко Н.И. Работникам библиотеки: Цаплиной Т.А., Луневой Л.Н. было предложено разработать тематический план работы клуба на 2008 год.

Газета «Курган и курганцы» от 27 сентября 2008 года «Впиши строку в «Сонет»

На базе библиотеки им. В. Маяковского дебютирует литературный клуб. Теперь в последнее воскресенье каждого месяца в актовом зале библиотеки будут проходить творческие встречи. Все они войдут в программу вновь образованного литературного клуба «Сонет».

Десятилетию Курганского отделения Союза профессиональных литераторов посвящается первая встреча клуба, которая состоится 28 сентября с 13.00 до 15.00 в актовом зале библиотеки, по адресу Пролетарская, 39. Здесь гости будут обсуждать творчество талантливых русских поэтов Кондратия Худякова, Ильи Френкеля и Алексея Мерзлякова.

В числе приглашенных — представители Курганского отделения Союза профессиональных литераторов и литературной организации «Поэтическая горница».

Первое заседание поэтического клуба «Сонет» состоялось 28 сентября 2008 года и было посвящено изучению «Нашего литературного наследия». Присутствовал 41 человек.

26 октября состоялось второе заседание клуба по теме «Беспокойная память поэта. К 90-летию со дня рождения А.М. Пляхина». Присутствовало 50 человек.

30 ноября 2008 года в читальном зале библиотеки им. Маяковского состоялось очередное заседание клуба по теме «Вербный край Виктора Гилева». Присутствовало 35 человек.

28 декабря прошел памятный вечер по творчеству Антонины Антоновны Баевой.

Возможно, нет смысла перечислять все прекрасные мероприятия, проведенные клубом «Сонет»... Ясно одно: он живет и будет жить, пока в городе Кургане есть хотя бы несколько человек, заинтересованных в развитии своего творчества и изучении литературного прошлого своего края.

Ныне клубом «Сонет» руководит член Союза писателей России Николай Александрович Покидышев...»

Послевкусие

Не успел прикрыть снег травы русые,
Шаль не может довязать зима,
Я живу, наверно, послевкусием,
Выбрав настроение сама.
После кофе долго философствую,
После дня рождения грустна,
Лето вспоминаю тусклой осенью,
После встреч с тобою не до сна.
Помню поцелуй земляничные,
Вкус ещё остался на губах,
Помню все мелодии лиричные,
Знаю, так задумала судьба.
Только наслаждаться послевкусием
Долго не получится, увы...
Спрятаны мечты в нём и иллюзии,
Красота падения листвы.
Принимать как данность настоящее,
Знаю: постепенно научусь,
И зима, морозами звенящая,
Новый год подарит, новый вкус.

Я тобой болею

Я тобой переболею,
Только время дай,
Будут сильными метели,
И холодным май.
Пережду капризы сердца,
Ливни, холода,
Без тебя смогу согреться,
Это ли беда?!

Я тобой переболею,
Только есть два но...
Есть ли что любви сильнее?
Что нам суждено?
Ты молчишь, не зацепило,
Чувствам: «Нет!» - скажи,
Я тобой болею, милый,
А в любви – вся жизнь...

Подарок

Шарики на проводах, как птицы,
Отдохнут и дальше полетят,
То, что жизнь задумала, случится,
Рано нам ещё считать цыплят.
Пусть, весна немного задремала,
Утомил далёкий перелёт,
Кажется нам – времени всё мало,
Счастье только в будущем нас ждёт.
Скоро грязно-серый снег растает,
Выглядит упрямый первоцвет,
Пусть в тома воспоминаний память
Занесёт любви моей рассвет.
О закате я не буду думать,
Очёрдность – встречам и мечтам,
С новой силою весна и с шумом
В пляс пойдёт по сёлам, городам.
Принимаю яркость я и серость,
Мира нежность и мятеж борьбы,
Пусть, не всё, как этого хотелось,
Каждый день – подарок от судьбы.

Упущеный шанс

Последнего снега комки грязной ваты,
Весенние ночи темны и сыры,
Я знаю, за чувство меня ждёт расплата,
А мы с тобой просто – часть чьей-то игры.
Улыбку приkleив, кажусь беззаботной,
Берусь переделать я тысячу дел,
И прячусь от сердца за новой работой,
Умом понимая, всему есть предел.
Но кто мне ответит, как выключить душу?!

Твой запах на коже моей, как духи,
Забыть тебя, знаю, мне было бы лучше,
Страсть выплавить в буквы, а буквы – в стихи.
А жизни людские хрупки и не вечны,
Теряем возможность сказать: «Я с тобой!»
Холодным туманом ложится на плечи
Упущеный шанс. Всё осталось игрой...

ОСНОВАТЕЛИ

В этом разделе будут размещаться поэтические строки создателей клуба «Сонет». И первыми, по праву, строки Алексея Никитовича Еранцева.

Мне хотелось бы рассказать о событии, произошедшем 28 сентября 2012 года в городе Кургане: к 75-летию курганского поэта Алексея Еранцева в городе Кургане на доме № 84 по улице Гоголя состоялось открытие памятной мемориальной доски честь 75-летия курганского поэта Алексея Никитовича Еранцева (28.02.1936 – 30.12.1972).

Это не первая памятная доска поэтам города.

На доме № 111 по этой же улице есть доска Якову Терентьевичу Вахменцеву (03 (16) 01.1913 – 11.06.1979) – первому руководителю писательской организации Курганской области, автору более десяти поэтических книг.

И ещё одна мемориальная доска на доме № 62 есть по улице Гоголя – детскому поэту Леониду Ивановичу Куликову (07.08.1924 – 05.09.1980). Его имя сейчас носит детская библиотека.

На девятиэтажке № 26 по улице Р. Зорге, что стоит рядом с парком Победы, есть мемориальная доска поэту-фронтовику Алексею Михайловичу Пляхину (03.10.1918 – 16.11.2006).

Именем известного русского поэта Сергея Александровича Васильева (17 (30) 07.1911 – 09.07.1975), уроженца Кургана, в городе названа улица.

И вот в ясный сентябрьский день фасад многоэтажного дома на одной из центральных улиц украсила мемориальная доска памяти Алексея Еранцева.

Поэт прожил недолгую жизнь.

Если открыть книгу Ивана Павловича Ягана «Многоликая и самобытная» о Курганской писательской организации, которую И.П. Яган возглавлял около тридцати лет, то строки об Алексее Никитовиче начнутся так:

«Родился в селе Павловском Алтайского края в крестьянской семье. Детские и юношеские годы прошли в селе Жидки Петуховского района Курганской области. В 1961 году окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал литературным сотрудником газет «Молодой ленинец» и «Советское Зауралье», редактором Южно-Уральского книжного издательства».

А дальше идёт короткая, но очень ёмкая строка, за которой стоит выбор жизненного пути:

«Алексей Еранцев занимался живописью, мог стать художником, но выбрал поэзию».

Он единственный из курганских поэтов занесён в «Антологию русской поэзии XX века».

Мне повезло быть знакомым с людьми, которые знали Алексея Никитовича и в то время, когда он только начинал свой творческий

путь, и с теми, кто дружил с поэтом до его последних дней жизни.

Леонид Григорьевич Володькин, тогда, в далёком уже теперь 1959 году, был исполняющим обязанности директора строящегося Курганского телецентра. А в общежитии по ул. Краснодонской жила его бывшая однокурсница, тоже выпускница Новосибирского института связи, Ирина, к которой он часто заходил в гости, и которая вскоре стала его женой. «Общежитие», наверное, всё-таки верное определение к их дому: в блоке на пять комнат гостиничного типа имелись лишь один туалет и одна кухня на всех жильцов блока. В народе такое жильё называют ещё «малосемейками».

Вот на первом этаже, в одном коридоре, по соседству с Ириной, и жил Алексей Еранцев. Не раз поздним вечером он заходил «на огонёк» к Ирине и Леониду, читал им только что написанные строки, жадно интересовался их мнением о прослушанном, пытаясь по выражениям лиц своих первых слушателей понять: искренни ли они в суждениях или просто не хотят обидеть автора. Чаще всего звучало «Здорово!» – любимое слово Леонида Григорьевича, тогда – Лёни, практически ровесника поэта.

Алексей читал им не только готовые стихи, но и наброски, иногда уже по ходу чтения останавливая самого себя: «Ну, над этим надо ещё подумать...»

Он работал тогда в газете, заочно учился, но всегда на первом месте для него оставались его стихи.

После переезда в другой дом Леонид Григорьевич лишь эпизодически, при нечаянных встречах, разговаривал с поэтом, узнавал с его слов, что тот принят в Союз писателей, ездил за границу, работает над поэмой «Пророк», на какое-то время уезжал из Кургана на Север.

А потом, в 1972 году, Леонид Григорьевич с глубокой скорбью воспринял известие о преждевременном уходе поэта из жизни.

Стихи Алексея Еранцева публиковались в районных и областных газетах, в журнале «Урал» и в столичных журналах. Он автор книг стихов «Вступление», «Ночные поезда», «Кумачовые журавли», «Глубокие травы», «Лирика», «Талица», книги прозы «Разомкнутые берега».

Долгие годы Алексей Никитович дружил с народным художником России Германом Алексеевичем Травниковым. Благодаря именно Герману Алексеевичу и профессору-пушкинисту из Твери Юрию Никишову в 2007 году увидел свет новый сборник стихов Алексея Еранцева «Избранное». И появившаяся мемориальная доска выполнена по эскизу Г.А. Травникова, о котором в равной мере можно сказать: «Мог стать поэтом, но стал художником и поэтом».

Однажды я спросил Германа Алексеевича:

– А как Вы познакомились с Алексеем Еранцевым?

Герман Алексеевич рассмеялся:

– А на крыльце Художественного музея. Спускаюсь я вниз, а мне навстречу какой-то парень спешит, да ещё плечом меня так задел и не извинился. Я к нему, мол, ты чё? А он: «А ты чё?» Я опять: «Кто такой?» Он: «А сам кто такой?» Вот так и познакомились, и задружили.

И где искать надежду и опору,
И, горькую обиду не теряя,
Ты слёзы льёшь, задвинув плотно шторы.
Но посмотри – стучит в окно весна,
И речка плечи гордо расправляет,
Вздохнула после длительного сна,
По правилам играет и без правил.
Травинка, пробиваясь сквозь асфальт,
В себе таит огромнейшие силы,
Взять холст и рисовать, и рисовать...
Петь гимн земле, которая взрастила,
Смотреть, как распускается цветок,
Черёмух упиваясь ароматом,
Земля – как вдохновения исток,
В ней жизнь, любовь и счастье с нами рядом.

Я с тобой

Я с тобою, мой родной, ты слышишь?!
Радуг брызги капельками с крыши
Прыгают, довольные весной,
Только ты сегодня не со мной.
Я – с тобой, я – облако всех выше,
Ветра голос – то на крик, то тише...
Нежность чащи – первоцвет лесной,
В радости, в беде, в мороз и в зной.
Я с тобой, пока нужна – я рядом,
Солнца луч над яблоневым садом,
Пение восторженное птиц,
Кроткая улыбка в сотне лиц,
Ты – судьба, и мне другой не надо,
Каждая минута как награда,
В ярких вспышках розовых зарниц
Перед лицом падаю я ниц,
Каждой клеткой этот мир любя,
За него молюсь и ... за тебя.

Страшно...

Мы копаемся в людях, поступках и мыслях,
Мы не ценим рассвет и ругаем закат,
Шелест тонких купюр нам как музыка жизни,
Быт съедает минуты, грехи тянут в ад.
Мы торопимся в отпуск, ждём жаркое лето,
Всё быстрей и быстрей подгоняя себя,
Но не знаем, порой, суeta множит беды,
Самоедство растёт, нас всё больше губя.
Повиликой цепляясь за тех, кто нам нужен,
Мы несём разрушение чаще, чем мир,
Заморозит сердца вдруг обидная стужа,
Самый близкий когда-то не дорог, не мил...
Я хочу разрубить этот гордиев узел,
И стихами вспороть серость дней и ночей,
Только часто слова, как шары, мимо лузы,
Только страшно проснуться однажды ничьей...

Соберём рассыпанные звёзды,
Как грибы, в лукошко и подол,
Этот вечер для того и создан,
Чтоб луну укачивал Тобол.
Тёмные безлиственные ночи
Взрыва ждут, сжав почки в кулаки,
Первый гром неистово грохочет
Где-то за излучиной реки.
И весна в предчувствии победы,
В часе от зелёной красоты,
Мчит девчонкой на велосипеде –
В длинных косах первые цветы.

Исток вдохновения

Бывают дни – всё валится из рук,
И всё не так, как этого хотелось,
Тебя не согревает солнца круг,
И спряталась во мглу былая смелость.
И, кажется, весь мир против тебя,

Это где-то в середине шестидесятых было.

Потом Герман Алексеевич напишет известную картину «Наши вечера». Композиция её не совсем обычна: на фоне вечернего окна у стен и за столом комнаты стоят и сидят друзья художника. Среди них и Алексей Еранцев. Есть и другая картина художника, посвящённая другу, – большой портрет поэта.

Верный так неожиданно начавшейся дружбе, Герман Алексеевич приложил немало сил, чтобы в 2007 году увидел свет сборник «Избранное».

...Шестидесятие – время бурного всплеска интереса к поэзии, увлечения ею.
«Пол-России маётся в стихах...»

Слова Евгения Евтушенко точно отразили суть. Появляются не только Клубы любителей поэзии, но и альманах с одноименным названием с его традиционными разделами «Знакомые имена», «Мастерская слова», с довольно резкими и обидными пародиями на неудачные строки даже известных поэтов. Появляется журнал «Литературная учеба». Книга хороших стихов искренне ценится как действительно дорогой подарок...

Кто-то со временем действительно стал поэтом, кто-то, попробовав писать, трезво оценил свои способности и отложил перо, но навсегда остался поклонником настоящей поэзии и хранит на книжных полках сборники любимых авторов, помнит наизусть строки, ставшие путеводными...

Шли годы, уходили из жизни, нередко – внезапно, поэты.

Внезапно ушел и Алексей Еранцев.

Вдова Леонида Петровича Бендика, Надежда Прокопьевна, так рассказала мне о последнем дне Алексея Никитовича.

Приближался Новый год 1973 год, считанные дни декабря оставались до него. Поэт был уже тяжело болен. Накануне он побывал на приёме у врача, прямо спросил о прогнозе для себя. Так же прямо врач ответил, что прогноз плохой.

– Но работать-то я смогу? – задал главный для него вопрос Алексей Никитович.

– О какой работе Вы говорите? Речь идёт об инвалидности, об уколах в строго установленное время!

Для деятельного человека это прозвучало приговором.

У каждого своя степень восприимчивости к сказанному слову. У поэта – в особенности.

Свой День рождения, 1 января, Леонид Петрович обычно встречал дома вместе с Алексеем и Валентиной Еранцевыми. И в этот раз заранее позвонили, пригласили, но Алексей бросил что-то вроде «Не ждите». Решили позже созвониться ещё раз.

Накануне, 30 декабря, Леонид Петрович и Надежда Прокопьевна пошли за предпраздничными покупками. День был очень холодный.

На улице они случайно встретились с Валентиной. Та шла какая-то растерянная:

– Вот, Леша 25 рублей дал. Сказал, чтобы подарок себе купила и

новый утюг, старый он отремонтировать не может.

В троём пошли выбирать подарок. В ювелирный магазин «Яхонт» зашли и подарок посмотреть, и погреться.

Выбор остановили на янтарном ожерелье, оно стоило ровно 25 рублей. Валентина вначале даже посмотреть его хотела, но Надежда Прокопьевна настояла:

— Ты его в руки возьми, примерь.

Ожерелье очень шло Валентине, и она решилась на покупку.

Когда снова вышли на мороз, Леонид Петрович и Надежда Прокопьевна снова повторили Валентине своё приглашение на День рождения.

— Да, да, я поговорю с Лёшкой, — заверила Валентина, снова каким-то растерянным тоном, и пошла домой.

А где-то через час она, плача, позвонила супругам Бендику... Так они узнали, что не стало их друга. Приехавшая «Скорая помощь» опоздала на считанные минуты...

Но остались написанные поэтом книги. Живы и продолжают своё творчество те, кто знали Алексея Еранцева: член Союза журналистов и член Союза писателей России Валерий Иванович Портнягин, член Высшего творческого Совета Союза писателей России Виктор Фёдорович Потанин, народный художник России Герман Алексеевич Травников, на стихи которого написаны песни... Приходят в Клуб любителей поэзии «Сонет» молодые самодеятельные авторы, за плечами у некоторых из них уже есть изданные сборники...

В.Ф. Потанин рассказал, что в 1973 году в московском издательстве «Молодая гвардия» планировался выход книги стихов Алексея Еранцева. Вступление к ней Виктором Фёдоровичем было уже написано, но книгу по каким-то причинам не издали. Однако рукописный вариант вступления писатель сохранил и впервые, волнуясь от соприкосновения с памятными для него временем и событиями, запечатленными на пожелтевших от давности листах, в день открытия мемориальной доски зачитал написанные тогда строки.

В этом вступлении есть такие слова: «...Всё, что случалось с поэтом, всегда было от него на расстоянии сердца. И эта чуткость, ранимость, заполняла потом стихи...»

Теперь все мы в любой день можем прийти на встречу с поэтом, постоять у мемориальной доски с таким знакомым профилем, поклониться дому, в котором поэт прожил свои последние годы...

Но, наверное, судьбы поэтов связаны какой-то скрытой от нас предопределённостью. Чем иначе объяснить, что ровно через двадцать лет с разницей в один день из жизни уйдёт другой курганский поэт, близкий друг Алексея Еранцева Леонид Петрович Бендики...

Только это тема уже для следующего разговора.

Н. Покидышев

Вера

Мы хотим отказаться от прошлого,
Мы не верим себе и другим,
Мы забыли, как делать хорошее,
И, глаза закрывая, грешим.
Только есть оно — доброе, вечное
Чувство связанных мыслию веков,
И дорога туманится млечная,
Вдаль бежит средь седых облаков.
Зашемит вдруг в груди, заволнуется,
И слеза упадёт, как роса,
Замолчат беспокойные улицы,
Ночь и я, и, как храм, небеса.
И молитвы слова незаученно
Вдруг зашепчут не губы — душа,
Я вчера была болью измучена,
А сейчас, благодатью дыша,
Я забылась в пространстве и времени
И поверила снова в себя,
И плывёт нежно-розовым лебедем
По волнам горизонта заря.

Родина

Где ты, гусь, забыл свою гусыню?
Пролетел один в весенний лес...
Родина — опора и святыня
От земли до самых до небес.
В нежно-изумрудном одеянье
Утром нас встречают тополя,
Родина — и боль, и состраданье,
Нити рек и чёрные поля.
Гусь летит и жалобно гогочет,
Потерял гусыню — не найти,
Родина — и дни твои, и ночи
Ищем мы заветные пути.
Так же нас преследуют потери,
И, порой, в потёмках мы бредём,
Родины распахнутые двери —
Будто возвращенье в отчий дом.

Как по минному полю иду
И боюсь даже шаг сделать в сторону,
Если разум с душой не в ладу,
То кричат о беде злые вороны...
Всё по жизни не так и не то...
И скрываюсь я в воспоминании,
Осень в рыжем потёртом пальто
Отправляется снова в изгнание.
Все поступки упрямо – больны,
Я забыла дорогу к безгрешности,
В отражении белой луны
Вижу след роковой неизбежности.
И застыли в пространстве дожди,
Разбиваясь в ледовое крошево,
Я шагаю вперёд, подожди,
Чтоб успеть сделать что-то хорошее...

Научи меня жить

Научи меня жить,
Когда болью царапает горло,
Когда хочется выть,
Но внезапно исчез кислород,
Научи меня жить,
Когда осень от плача прогоркла,
И мечты - миражи,
И в тумане не видит пилот.
Научи меня жить,
Когда сны веселей, чем реальность,
Когда тонкая нить
Держит душу лишь в шаге от тьмы,
Научи меня жить,
Прояви на минуту лояльность,
От черты удержи,
За которой не встретимся мы...

ЕРАНЦЕВ Алексей Никитович

Из несобранной книги

Мать

Под капустным нашла листом,
Подняла с травяного настила,
Принесла в натопленный дом –
Перекрестом рук окрестила.
Лоб ресницами обмела,
В два платка меня спеленала:
Завернула в два белых крыла,
А углы узлом завязала.
Затянуть узелок смогла,
Да распутать сил не хватило:
Роща корни над ней сплела –
Простежили крышу стропила.
Руки выпростал – дед помог.
Белый свет вразумил – уважил.
Завязался в душе узелок –
Не сумею – никто не развязет.

Мёртвый город

Есть город в пустыне горючей,
Там гомон людской пересох.
Там с крыш, словно с каменной кручи,
Стекает стеклянный песок,
Скользит осторожно змейкой,
Из трещины вытеснив тень...
И тихо песчаные реки
Шуршат меж обугленных стен.
Там волны, поднявшись высоко,
Под ветром горячим дымясь,
Нависли...
И всё же не могут
На камни с размаху упасть.
Там небо сухое как порох.
Дороги забыты туда.
А рядом, в подземных озёрах
Томится живая вода.

*** * ***

Так больно, хоть зубами ляской,
Так горько, хоть в сугроб уткнись!
Живут во мне слова и краски,
Извечный крест – перо и кисть.
Уйду к мольберту – буквы скажут
И разлетаются с листа.
Уйду к словам, а краски плачут,
Стекая с мокрого холста.
Свяжу их сердцем – больше нечем.
Живу, не зная, что родней,
Как между двух любимых женщин,
Как между двух больших огней.
Несу тот крест
По тайной сути
Как бы сколоченный из плах.
Как тень качаются рисунки
На белых мраморных полях.

Акварель

В быстром небе звёзды тают,
Затихают облака.
Из баклаги кисть глотает,
А в баклажке ни глотка.
Погибает вольный беркут.
Степь дырява и пуста.
Звёзды слепнут,
Травы меркнут,
Горы прочь бегут с листа.
Не вздыхай, художник, тяжко.
Если выпита река,
Если сухо в старой фляжке,
Пусто в горле родника,
Пусть попьёт твоя сестрица –
Колонковая свеча –
Из-под ноющей ключицы,
Из сердечного ключа.
И тогда звезда прозреет,
И взлетит орлиный прах,
И кого-нибудь согреет
Солнце в траурных горах.

Герману Травникову

УТКИНА Анастасия Викторовна

Автор двух поэтических сборников – «Первоцвет» и «Продиктовано любовью». Участница международного совещания молодых писателей в 2011 году; участница поэтического марафона «Блажен незлобливый поэт», посвящённого 195-летию со дня рождения Н. Некрасова в г. Екатеринбурге 2016 г.; финалист поэтического конкурса «Рифмы вслух» 2014 год, диплом победителя поэтического конкурса «Мечты, полёты и стихи» 2014 год, дипломант Всероссийского заочного конкурса «Мы – дети твои, Россия!» 2016 год, лауреат международного фестиваля «Всемирный день поэзии 2017».

Пока не поздно

Хочу послушать тишину
И звук шагов ночного снега,
Увидеть сонную луну
В глазах родного человека.
Хочу ловить весенний луч,
Пусть он танцует на ладони,
Когда усталость грозных туч
В разливе пенных рек утонет.
Хочу в ромашках-облаках
Гадать, листков не обрывая,
Держать планету на руках,
Хранить в душе частичку рая.
Бродить в саду среди теней,
Баюкать на ресницах звёзды,
Запомнить все минуты дней
И стать собой, пока не поздно.

Ледяные дожди застилают пространство неба,
А во мне, вдруг, возникла и множится – множится вера,
Что растопит весна эти горы ненужных слов.
Тех, что вновь паутину плетут и вползают в строки.
Как давно наизусть заучила все их уроки.
Это просто обрывки моих одиноких снов.

Смерть и счастье незримо похожи в конечном итоге.
Оставляя на сердце и теле свои ожоги.
И стигматами вновь прступая со дна души.
Темнота ускользает, змею сползая в бездну.
Мы, с уходом ее, в этом мире опять воскреснем.
Только ты меня за руку, милый, покрепче держи.

Томик Есенина

Дождик, над городом выстрочив стёжки,
Без промаха бить, долговязый, привык:
Он жёлтые листья сечёт на обложке
Зелёной, как бархат, осенней травы.
Есенин. Он в сердце тревожное принял
Россию, где кустик обглоданный мил,
А сердце под шёпот листвы тополиной
Задумчивой песне своей подарил.
И томик, сплетённый из лунного света,
Я прячу на грудь от пролившихся стрел,
Чтоб грелось озябшее сердце поэта
У сердца, которое он обогрел.

Допьём – и вдребезги бокалы!
Я вам пожалуюсь:
Уже
Душа за мною прибегала,
А я ведь верен ей, даше.
Она при людях – лада, пава.
А прогуляй-ка очки две –
Накормит дома чем попало
И станет бить по голове.
Она костлява и угрюма.
Она, в ушибах и в крови,
Одно твердит:
Когда умру, мол,
Тогда как хочешь, так живи.
И сам я, право, не затейник,
Не гулеван, не фарисей.
Трава горит,
Звезда желтеет,
И надо что-то делать с ней.

Пророк

(Отрывок из поэмы)

Первое откровение

Рыщут волны – горбатые волки,
Разевают голодную пасть,
Словно реченька в проклятом колке
Под колодой
В норе
Родилась.
Держат волки топориком уши,
Прячут страх под девятым ребром,
А навстречу – шестнадцать ловушек:
Выше леса,
И грудь – топором.
Ой ты, паводок, волчья путина,
Пожалей ты меня, старика...
Море – морем,
Плотину – плотиной,
Вышибая,
Играет река.

*** * ***

Над ковшом погибая от жажды,
Всю Россию измерил пророк:
Вдоль – однажды, да наискось дважды,
Да четырнадцать раз поперёк.
Всяко пожил: скоромно и постно,
Покипел и в добре, и во зле,
В землю – рано,
А в небушко – поздно,
Остайётся одно – по земле...
То печален,
То гневен,
То грустен,
Переменчив и верен себе:
Выпьет в Риге,
В Находке закусит,
Отоспится в попутной избе,

У него на цепи сто волков и пятьсот смертей.
Тронный зал королевы заполнится. Станет людно.
Тени смерти зашепчут: «Возьми, это твой трофей.
Сделай так, чтобы сегодня уснули все беспробудно».

Он откроет засовы. Отпустит своих волков.
И затихнет округа, лишившись на ночь покоя.
Он возьмет королевство, и в жилах застынет кровь.
А ЕГО королева сдалась бы ему без боя.

Закоулками памяти

Снова мерзнет июль, зарываясь по маковку в плед.
Ни отвары из трав, ни чаи не снимают озноба.
«Депрессивный циклон» обещает опять интернет.
И на теплые вещи, похоже, не кончится мода.

Закоулками памяти тихо шагаю одна.
Позволяя себе непростительно вольную дерзость.
Мне по прошлому боль внутривенно давно введена.
И затеряна в строках твоя бесконечная нежность.

Возвращаюсь опять, в постаревший от времени дом.
Пахнет сыростью трав и рябиново-терпкой настойкой.
Мне немножечко страшно. Себя осеняю крестом.
И пытаюсь понять, отчего мне сегодня так горько.

Очень хочется вспомнить, забытую в прошлом, себя.
Ощущая внутри беззаботное чувство свободы.
Только годы разлук не зажившее раной саднят
И не могут на них повлиять перемены погоды.

Я недавно узнала...

Я недавно узнала, что счастье и смерть похожи.
Застаут всех врасплох и прохладой ползут по коже.
Знаешь, милый, я этой зимой начала дышать.
Жаль, что раньше совсем я не видела красок лета.
Может долго спала, может просто была с приветом.
Веришь, милый, лишь этой зимой начала мечтать.

На стекле...

На стекле завитки непонятных каракуль.
Дождь построчно итожит разлаженность чувств,
Что прошли времена расцветающих сакур,
И разменяна радость монетою – грусть.

На асфальте распластаны грязные лужи.
Только дождь, не сбиваясь, танцует канкан.
Заливая тоску в отсыревшие души,
И тепло наших встреч отодвинув в туман.

«Не сбылось», «не срослось» - разделяя на слоги,
Скачет дождь по страницам исписанных лет.
И, промокшей бумагой, бросает под ноги
Отрезвляюще серый, прощальный рассвет.

Одно желание

У моей королевы сегодня болезненный вид.
Очень хочется дать ей в постель кружку теплого чая.
Этот хрупкий цветок, как от страха, всем телом дрожит.
И измотана так, словно волчья гнала ее стая.

У моей королевы сегодня неряшлив наряд.
В беспорядке поблекшие локоны. Сломаны ногти.
Лихорадочным блеском глаза голубые горят
И не хочется ей никого приглашать к себе в гости.

У моей королевы одно лишь желанье сейчас,
Чтоб присуга сумела понять по движению брови,
Что она голодна и настал предобеденный час,
И могла она снова отведать бокал свежей крови.

У его королевы...

У него неприступный вид и угрюмый взгляд.
У его королевы – сегодня намечен праздник.
Её звонкий смех для души как смертельный яд,
Он танцует, звенит и влюбленного воина дразнит.

Отлежится, подошвы полечит,
Сменит посох,

Травинку сгрызёт...

– А далече ты, Стёпка?

– Далече...

Вон за тот, за другой горизонт.

Там за правду не лупят по роже,
Там давно ни ножа, ни петли,
Девки слаще, пророки дороже
И, конечно, длиннее рубли...

Всё отведал:

И хлеб, и каменья,

Смех и грех,

Корешки и вершки...

Не приелись:

В Тюмени – пельмени,

Да в избе,

На столе,

Пирожки.

На скатёрке, бескрайней, великой,

На застолье, огромном таком,

Пирожки!

Да со свежей клубникой,

Да с холодным, густым молоком!

Да как выйдешь в седьмом полнолунье

За околицу, за городьбу!..

Третье око затылок проклюнет,

Запылают семь пядей во лбу,

Народятся слова в подъязычье,

И подязка слыхать за версту,

И в своём неподменном обличье

Ложь и правда

Стоят на мосту.

И скрипят луговины сырье,

И падучие звёзды бодрят,

И тебя окликает Мария

Ясно-ясно,

Три раза подряд...

Из книги «Глубокие травы» (1970)

Ты поверь в меня, старый тополь,
Старый тополь, лепные морщины.
Ты ушами меня не прохлопай:
Я приду – тебе выращу сына.
Ты поверь в меня угольный скворушка,
Говорящий по-человечьи.
Я приду – усталый ли, хворый ли –
Сколочу тебе новый скворечник.
Ты поверь в меня, дом бревенчатый,
Дом под крышею краснопёрай.
Поднимусь на крыльцо. На крылечко я –
Будут плечи тебе опорой.
Ты поверь в меня, сердце усталое,
Постучись наяву ли, во сне ли.
Ничего я тебе не пожалую,
Просто оба мы станем сильнее.

Вставало утро. Было сырьо, тихо.
Не сутилась ни одна душа.
Отбитая от стаи журавлиха
Успела дотянуть до камыша.
Грачи скрипели в роще тополиной,
И оседали старые стога,
И облако проплыло над долиной,
И в той долине умерли снега.
Среди полей дотаяли туманы,
Остыли звёзды в синей вышине,
И глубине земли проснулась мама,
Чтоб долго-долго думать обо мне.

Где снег все валится и валится,
Даря душе на миг покой.
И боль душевная вся выльется,
На белый лист простой строкой.

Бегущие слова

Бегущие слова ложатся на листы
в усталую строку, слетающей листвою.
А мы с тобой опять сжигаем все мосты.
Для нас все не впервой осеннею порою.

И серость нудных дней не радует давно.
В душе, как грязный снег, вновь копятся сомненья.
Мне хочется в бокал вина пленуть на дно,
И осень рифмовать с зимой без сожаленья.

А после позабыть, что были не в ладах
друг с другом и с собой, с природой, с небесами.
Я верю, что секрет в несказанных словах,
что капали из глаз горючими слезами.

Встреча с прошлым

Убежать от себя мне, увы, не удастся.
Непонятно зачем покупаю билет,
В город детства, в котором умела смеяться,
И встречала свой первый, влюбленный рассвет.

Что увидеть хочу в этом городе старом?
Тени легкой надежды тревогою льнут.
Я шагаю в вагон, за года обветшалый...
Тамбур. Ночь. Сигарета. Дрожание рук.

Словно пленка в кино... За окном только блики
промелькнувших домов. На столе стынет чай.
А колеса стучат по межрельсовым стыкам,
На меня нагоняя ночную печаль.

Для чего эта встреча? Прощание с прошлым?
За проемом окна дождь, как сквозь решето.
Все прошло. И себя обмануть невозможно.
Хорошо, что меня не встречает никто.

Промолчу...

Промолчу...
И звонить перестану.
Ни к чему недосказанность фраз.
Сердце птицею биться устало,
Впереди свет надежды погас.

Холод слов для тебя – напускное,
А в душе все пылает огнем.
Голос тихий лишает покоя,
Где в разлуке – мы все же вдвоем.

Кто решил в бесконечной вселенной
Подарить мне тебя?
Вопреки
всем планетам, глядящим надменно,
не прощая земные грехи.

Отболит...
Ну, возможно...
Когда-то.
И звонка недоступный рингтон
будет плыть под луной виновато,
словно сердца озябшего стон.

Судьба куражится

А снег повалится, повалится.²
В бреду, во сне иль наяву,
судьба опять во всю куражится,
Меня оставив на плаву.

Вернет на время вдохновение,
И тут же спросит за него.
Со взглядом, полного презрения,
Вновь рассмеется мне в лицо.

А ночью ветреной и снежною,
Все /наперед/ простиш грехи,
Меня обнимет, станет прежнею -
подарит новые стихи.

² На строку Евгения Евтушенко «А снег повалится, повалится.»

МИЛЮТИН Владимир

Владимир Николаевич Милютин. В.Н. Милютин был поэтом, что называется, от Бога. Это очень яркие, самые талантливые стихи. В.Н. Милютин писал заметки, репортажи, зарисовки, очерки, фельетоны, зачастую в стихотворной форме – в общем, все, что всегда требовалось для газеты. В ноябре 2010 года В.Н. Милютину исполнилось бы 80 лет. Он был принципиально требовательным к себе, неординарным человеком. Он, как и многие истинно талантливые люди, ушел из жизни преждевременно и трагически.

Долгие годы сестра В.Н. Милютина Ольга Николаевна Милютина была активным участником Клуба «Сонет» до своего ухода из жизни.

Дымок из детства

В полях солому жгут.
Доносит дыма горечь.
Мне вспомнились
костры,
Что в детстве жгли.
Спокойное село мое
на взгорье.
Всё это словно
на краю земли.
В сороковом году,
Когда предгрозье
Всё ближе продвигалось
С каждым днём,
С отцом я был
на пасеке
В лесхозе,
И нас старик седой
Поил кваском.
Он говорил:
– Запомните, ребята:
Уже совсем недалеко
война.
Пожалуй, нам придётся
трудновато.
Обманчивая нынче
тишина!...
Он не брюзжал,

Будёновец бывалый,
А просто сердцем чуял,
что и как.
И через год война
залютовала...
Стихи о ней писать
Я не мастак.
Летит дымок с полей,
Ещё не пахнет хлебом,
А только свежей
Влажною землёй.
И снова май пришёл
С ударным севом.
После войны
Тот сев –
тридцать восьмой!

1983 г.

Настроение

Не скрою,
Я объят волненьем.
Но валерьянка не нужна.
Закономерное явление:
Повсюду властвует весна.
Всё, что задумаю,
- возможно,
Я весел и неутомим
И даже вытерплю
бесслённо,
Что пьёт Галина чай
с другим.
Могу поспорить
со стихией,
И смерч, и мгла
Сведу на нет.
Иль напишу стихи такие,
Что расцветет брюзга-сосед.
И вы, пожалуйста,
поверьте:
Я не хвастун.
Хвастун – не я.
Летит в звенящей
круговорти
Весна глядянская моя!

Остановить гнетущий снегопад,
что перемел дороги и тропинки.
Чтоб я жила не в лад и невпопад
не уронив из глаз своих слезинки.

Я опущусь опять пред образа.
Душа болит... Осталось лишь молиться.
Но окна, как застывшие глаза
Ни на минуту не дают забыться.

И тихо, как в церкви...

Прошу не шумите.
Пожалуйста тише!
Рождается сказка в купели небесной.
Какой она будет пока не известно,
Но тайна все ближе. Ты чувствуешь? Ближе.

И тихо, как в церкви.
Все замерло в мире.
Украшены снегом еловые лапы.
А может не снегом? Кусочками ваты?
На елку набросаны в чьей-то квартире.

Все это неважно...
Рождается сказка.
Тихонько, на цыпочках с неба спускаясь.
И робко, по-детски душою касаясь,
Я, может быть, даже узнаю развязку.

Подставлю ладошку.
Тихонько снежинки
Ложатся в нее. Не боятся растиать.
Посланцы небес. Для меня. Я ведь знаю,
Как быстро, они превратятся в слезинки.

Лети строка

Хрустит ледок под легкими шагами
И вздрагивает гулко тишина
Когда пространство наводнив стихами,
За облаками прячется луна.

Ни в чем не зная чувства постоянства
Она их светом синим окропит
И бросит куролесить в буйном танце
С морозным ветром, что до время спит.

А ветру что? Он властью безграничной,
Подхватит всю толпу летящих строк.
И разбросает их рукой привычной
По выражам изъезженных дорог.

Пришел январь

Пришел январь, диктуя перемены,
Пугая нас морозами всерьез.
От холода, ползущего по венам,
Укрылась ночь за шторою из звезд.
Пуская тусклый свет на мостовую,
Покрытую зеркально – тонким льдом.
Земля по снегу пышному тоскует,
По сказке, что на грани с волшебством.

Не по сезону – ржавые разводы
На берегу у заспанной реки.
А ей, укрыться б снегом, в непогоду...
А мне б, под снег, писать, писать стихи.

И окна, как застывшие глаза

Не тает лед в душе, который год.
С застывшим сердцем трудно примириться.
Так хочется уйти от всех невзгод
и снова беззастенчиво влюбиться.

Августовские строки

Вся трава звенит
И ходит волнами:
В ней сейчас кузнечиков
не счасть,
Но рекой
Серьезно недовольны мы:
Клёва нет,
Хоть сам за рыбой лезь!

*** * ***

Карапуз росточком –
словно гном,
А идёт, не уступая маме,
С полиэтиленовым
ведром,
Доверху наполненным
грудями!

Осенние мотивы

Ракитник на ветру
склоняется,
И весел листьев ералаши.
Другим, возможно,
это нравится,
Но не по мне такой
пейзаж.
Всем хороша пора
осенняя.
(И я на жатве
Был неплох),
А вот сегодня
настроение –
Как говорится, не дай бог!
Пусть всё вокруг
Сияет празднично –
Мне каково на то
смотреть?!
Подумать только:
Угораздило
Меня влюбиться
в сентябре!
В её улыбке –
Стынь осенняя.
Глядит –
не подступиться к ней.
А впрочем,
наберусь терпения:
Вдруг станет в октябре
Теплей?

«СОНЕТ» СЕГОДНЯ. НАШИ АВТОРЫ

БЕРЕСНЁВА Людмила

Машенька

Она вышла из полутёмного подъезда и остановилась, удивлённая переменой в природе: от неба до земли кружилась мгла, белели крыши домов и деревья; толстым рыхлым слоем покрылись тротуары, грязноватые кучи снега на газоне превратились в белые пушистые холмики, лишь влажно темнела дорога.

Но снег в конце апреля не приносил радости – душа жаждала солнца и тепла. Настроение было под стать погоде: третий

день месяца от Алёши нет весточки. Недавно набралась храбрости, позвонила его родителям, трубку взяла Алёшина мама. На Машенькин вопрос грустно сказала, что писем тоже не получают.

Вчера вечером, когда папа с мамой смотрели по телевизору новости, Машенька села рядом на диван: интересовало не заседание Думы, не поездка президента по стране, внимание притягивала Чечня, где служил Алёша. Когда увидели огненные клубы взрывов, чёрный дым, страдальческие лица солдат на БТРах, услышала голос диктора, беспристрастно перечислившего число убитых и раненых – стало страшно.

– Идиоты, бездарные политики, сколько ребят погубили! – закричал папа. А мама только горько вздохнула: «Бедные матери».

Машенька ушла в свою комнату, легла на кровать и долго лежала, вспоминая июньский жаркий день, пляж, где познакомилась с Алёшой, его лицо, улыбку, первый поцелуй. Достала старые письма, полученные в первый год его службы в Челябинске: в размашистых строчках столько нежности и теплоты...

Это было вчера, а сегодня утром она идёт туда, где, как сообщила подружка Галка, требуются продавцы. Машенька два года назад окончила строительный техникум, но найти работу не смогла. По рекомендации маминой знакомой её устроили в частный магазинчик к добродушному толстяку дяде Саше, продавать импортные сладости. Однако через десять месяцев дядя Саша разорился и продал магазинчик другому бизнесмену. А от того через месяц она сбежала, не взяв расчёта.

Ходила за молоком и хлебом, варила еду, вязала кофточку маме в подарок ко дню рождения, читала книжки и скучала. Скучала по людям,

Пережив, мы сумеем жить.
Ты услышишь меня - я верю
День, что ждет тебя впереди,
неизвестностью встал за дверью.

Выжидает капризный Март,
чтоб раскваситься и заплакать.
И крышам старых мансард –
не стесняясь стучать и капать.

Огонек из моей души –
угольком на твои ладони...
Только как судьбой не крути,
знаю – прошлое нас догонит.

Миражи...

Гудят в трубе простужено ветра.
Мелькают дни, как блики полустанков.
Нет ничего вкуснее, чем баранки
И чай из самовара после сна.

Его тепло, как детская мечта
О сдобе, что из бабушкиной печки,
О шумных играх с малышней у речки
И замке, что построен из песка.

За окнами неяркий лунный блик
Струится нитью тех воспоминаний,
Не сбывшихся и сбывающихся желаний,
Что возникают в темноте на миг.

Но, милый друг... Все это – миражи,
Пришедшие из детских сновидений.
К ногам упавших призрачных мгновений,
Что прячем мы на самом дне души.

Как понять?

Послушай, жизнь! Куда спешишь, скажи?
Мелькают годы, словно миражи,
даря душе печальные мгновенья.
И как понять, в чем цель судьбы такой,
терять в дороге все - друзей, покой.
Не зная о своем предназначеньи.
Куда спешишь? Иль подалась в бега?
Туда, где бьют колючие снега
в лицо... Гонимые шальной метелью.
Где пледом укрывая сонный лес,
снег падает и падает с небес,
на время став холодною постелью.

Акварель в белом

Февральский день очищен снегопадом,
Отбелен и чуть-чуть морозит след.
Там снегири, морозным виноградом,
закусывают выпитый рассвет.

Крадется кот, найдя чем поживиться,
Но слышен каждый шорох в тишине.
На крыше ветер от тоски томится...,
А хочется промчаться в вышине
со снегом, что над городом танцует,
все превращает в снежную купель...

Мороз, узоры на стекле рисуя,
Весне оставит в белом акварель

Не жалей...

Не жалей бестолковый день,
что остался в февральской стуже.
Ветер виснет на проводах
и качается неуклюже.

по общению, по жизни, наполненной иным, более интересным смыслом. Иногда заходила техникумовская подружка Галка с годовалым Пашкой. За два года та успела выскочить замуж, родить и развестись (Пашкин отец оказался наркоманом). Они пили кофе, смотрели «Секрет тропиканки», Галка обожала подобные фильмы. Вспоминали своих сокурников и соурсниц: ребята почти все служили в армии, девчонки работали продавцами, секретаршами, уборщицами... Порой Галка ругала своего наркомана, от которого не получала алиментов. Потом Пашка начинал орать, и та уходила домой.

Машенькины родители по-разному относились к тому, что она нигде не работает. Мама, медсестра областной поликлиники, мягкая и добрая говорила: «Успеешь, наработаешься». Папа, взрывной, как электрический ток, с которым ему, как электрику приходилось иметь дело, ворчал, что взрослые дети обязаны сами себя кормить, а не сидеть на родительской щее. Так как старший брат Машеньки жил с семьёй отдельно, понятно было, в чей огород камушки. Папа часто приходил с работы раздражительный и злой, ругал демократов, устроивших мерзкую жизнь для рабочего человека, который не может получить зарплату за свой труд. У мамы в поликлинике зарплату тоже частенько задерживали, и порой в доме не было денег на хлеб и молоко. Выручала картошка, выращенная на участке. Кожаную куртку Машеньке купили по дешёвке с рук. Мама донашивала свою старую одежду. Вот потому-то и торопится Машенька первой явиться в офис, чтобы не опередили такие же безработные девчонки.

Девятиэтажный дом, в котором она живёт, стоит на излучине реки среди тесно прижатых друг к другу старых пятиэтажек и новых красивых зданий. Всё тут Машеньке знакомо: детские площадки с железными горками и качелями, автобусная остановка в форме грибка, красавица школа, в которой училась восемь лет. Как дань новому времени, появились железные киоски и здание банка, возле которого папа обычно плюётся и цедит сквозь зубы, что банки на каждом углу, а денег нет. За школой вдоль дороги тянутся длинные ряды бетонных гаражей, над которыми буйствует холодный ветер, осыпая прохожих снежной пылью.

Испугавшись, что потечёт тушь с ресниц, Машенька достаёт из сумочки зеркальце: в блестящей поверхности появляется вздрогнувший носик, синие глаза, розовая щека, алые лепестки губ, завиток светлых волос, унизанный снежинками. Удовостерившись, что с ресницами порядок, она кладёт зеркальце на место. Дальше путь лежит через парк, окружённый кольцом старого русла реки. В парке тоже кружатся хороводы снежинок, сплетая вокруг деревьев и неподвижных каруселей замысловатые узоры.

Машеньке вспомнилось, как гуляли они с Алёшой по аллеям, осыпающимся жёлтым сентябрём. Под ногами шуршали золотые листья... Это было полтора года назад, а ей казалось, что с того дня прошла целая

вечность. Она пробежала по железному мостику, скользким бетонным ступенькам и вышла к бывшему «Детскому кафе», возле которого стояли две серые «иномарки» и группа парней в кожанках и кепочках. Заметив Машеньку, они повернули головы в её сторону, и кто-то громко воскликнул: «Хороша тёлка!», остальные одобрительно загоготали. Машенька скривила губки в презрительной гримаске. Ух, как не любит этих «кожаных». Однажды Галка, сбагрив Пашку на бабушку, уговорила её пойти на дискотеку во Дворец культуры, там такие же «кожаные» чуть не затащили Машеньку в машину. Помогла пожилая женщина-вахтёр, которая пригрозила вызвать милицию.

Машенька быстро отыскала здание, в котором находился офис фирмы и множество машин стояло у входа. Она поднялась на широкое крыльце, отряхнула снег с куртки. Из окошка выглянула бесцветная физиономия пожилого вахтёра. Машенька отправилась в указанном направлении по длинному коридору, который привел её к массивной металлической двери, постояла минуту в раздумье «заходить-не заходить» и несмело постучала.

- Войдите, послышался приятный мужской голос. В просторной светлой комнате с железными решётками на окнах, обставленной дорогой мебелью тёмного дерева, за письменным столом с двумя телефонами сидел темноволосый мужчина в чёрный очках.

- Вы ко мне? – улыбнулся он, в оскале тонких губ было что-то хищное, щучье. Она кивнула головой.

- Тогда проходите, садитесь, будем беседовать, - и показал рукой на мягкое кресло. Слова он произносил гнусаво, в нос, точно у него был насморк. Но ей понравилось обращение на «вы», вежливый тон, ослепительно-белая рубашка с тёмным галстуком. Во всём чувствовались солидность и респектабельность. «Я слышала, вам требуются продавцы», - спросила Машенька, краснея от пристального взгляда бизнесмена.

- Требуются, - заулыбался он, сверкая золотым зубом, - вы, что же продавщица с дипломом?

- У меня диплом техника-строителя, - улыбнулась Машенька, - но сейчас невозможно устроиться по специальности.

- Работали уже где-то? – поинтересовался собеседник.

- Да, десять месяцев в частном магазине, - оживилась Машенька.

- Право не знаю, что вам и сказать, - произнёс мужчина, - откидываясь на спинку кресла, вообще-то мы принимаем на работу профессионалов.

Она встала, дрожащим голосом сказала «извините» - и направилась к дверям.

- А секретаршей шефа не хотели бы поработать? – послышался вопрос.

- Но я не работала секретаршей, - сказала Машенька, останавливаясь у двери.

- Вы замужем? – поинтересовался бизнесмен, уставив на Машеньку чёрные стёкла очков. Она покачала отрицательно головой.

- А ребёнка нет? – улыбнулся он.

В прикосновениях тумана

В прикосновениях тумана
я чувствую печаль свою.
Воспоминание обманных
не обещаний на краю
разлук... И встречь, не обреченных
на яркое цветенье чувств.
Где шармом внешности смущенный.
сосуд любви остался пуст.
И тишина, немым укором
ложится в ноги до утра.
Бессонниц, вечным приговором
и одиночеству сестра.

Моя королева

Моя королева! О чём ты вздыхаешь?
Сидишь у окна и глядишь отрешенно.
И время, как слезы на платье роняешь,
На всем протяжении ночи бессонной.

Не слышишь вопросов. Не просишь ответов.
Не знаешь, как трудно с тобою быть рядом.
И все повторяешь: - Дождемся рассвета.
Пронзая меня очень пристальным взглядом.

А мне бы обнять тебя крепко и нежно,
Чтоб ты утонула в объятьях как в море.
А вынырнув, вспомнила, как безмятежно
Сияла любовь в этом ласковом взоре.

Я сделаю все, что ты только захочешь.
Я душу свою на ремни искромсаю.
Ты слышишь меня? Почему ты хохочешь?

Король мой! Таким я тебя обожаю!

Жизнь – краткий миг. Как ночь и день.
Сверкнет и канет во вселенной,
плеснет на брег волною пенной,
а я оставлю здесь лишь тень.

Весна

Трезвон колоколов, согнув пространство,
Брызгается в открытое окно.
Нарушив тишину и постоянство
Пытается проникнуть в душу – но...

Там пустота и замкнуты засовы,
От всех замков потеряны ключи...
А у весны все заново, все снова:
Капели с крыш и первые грачи,

И звон ручьев, и клеклые сугробы,
И шепот ветра где-то в облаках.
И первые шаги, и судеб пробы...
И чуть заметный блеск в твоих глазах.

Мой старый город

Мой город хмур, озлоблен и тосклив.
Он в переулках серых прячет тайны.
А по ночам, огни все погасив,
вновь тонет в думах призрачно-печальных.

Засыпан снегом и едва живой,
бессилие в сугробах маскируя,
он в лунном свете стал совсем седой,
по призрачному прошлому тоскуя.

Ни Солнце, ни Луна здесь не указ.
Гуляет ветер, улиц не тревожа.
Мой город ждет, чтоб кто-то его спас,
Всю слабость на достоинства помножив.

- Конечно, - обиделась Машенька.

- Это хорошо, это просто прекрасно. Видите ли, милая девушка, секретарше приходится сопровождать шефа в деловые поездки, на совещания, а иногда для отдыха души и тела в сауну. Муж, дети – это лишние проблемы.

- В сауну?! – Машеньку как током ударило. Бизнесмен, от которого сбежала, предлагал то же самое и кое-что похуже.

- Нет! Нет! – воскликнула она – Это мне не подходит! И выскочила из кабинета. Вахтёр на мгновение оторвался от газеты, провожая её равнодушным взглядом. На улице по-прежнему сыпали стайки пухлых снежинок. Машенька торопливо шла по тротуару и горестно думала: где же найти работу? К кому обратиться? И неужели Галка права, что для девушек сейчас один выбор, постель или панель? Но у неё же есть Алёша? Самый лучший человек на свете! Самый любимый! Только бы вернулся живым из Чечни!

Куда же пойти? Домой не хотелось. Может в библиотеку? В читальном зале всегда полно народа: одни читают, другие что-то выписывают в тетради. Лишь шорох страниц нарушают тишину. Заснеженный город жил обычной жизнью. По дорогам мчались троллейбусы, автобусы, легковые машины разных марок. Навстречу по тротуару текла человеческая река прохожих, растекаясь ручейками по магазинам, учреждениям, кварталам. И вдруг среди незнакомых, озабоченных, угрюмых лиц увидела Костику, младшего брата Алёши. Он шёл, опустив голову, засунув руки в карманы серого пуховика, спортивная шапочка была низко надвинута на глаза. Поравнявшись с ним, Машенька улыбнулась и тронула его за рукав пуховика: «Здравствуй, Костик! Куда так спешишь?»

- А, Маша, - произнёс он тонким детским голосом, словно с усилием выдавливая слова, - Алёшу убили в Чечне. Тёмные глаза налились слезами, он смахнул их рукавом пуховика и, наклонив голову, пошёл вперёд.

- Как убили? Когда? - растерянно спросила Машенька, но он, не отвечая, уходил всё дальше и дальше, теряясь в толпе. Страшный смысл сказанных слов ударил Машеньку в самое сердце. Из глаз хлынули слёзы. Она вытирала их платком, а они всё лились и лились. Навстречу шли люди. Одни смотрели на неё с сочувствием и жалостью, другие равнодушно. Она шла бездумно, не понимая, куда и зачем идёт. И её душа разрывалась от горя. А с неба, затянутого серой плотной пеленой всё сыпались и сыпались снежинки, словно последние солдатики уходящей зимы. Они погибали на мокрой земле под безжалостными ногами прохожих и колёсами машин...

Зауралье моё

1

На пригорках берёзки, красавицы!
Завели озорной хоровод
И кузнечик на скрипичке дразнится
Птичий хор звонко песни поёт.

2

Облака в небе нежно кудрявятся
Поспевает пшеница в полях
Зреет вишня, красотой наливается
Разнотравье шумит на лугах.

3

Синий бор стеной возвышается
Пышет зноем от солнца земля
По утрам в речках рыба играется
Алой лентой пылает заря.

4

То сторонка моя Зауралье
В мире краше её не сыскать
У нас женщины все красавицы
У мужчин богатырская стать!

1992 г.

СЕМЕНОВА Ирина

Родилась 22 января 1959 в городе Кургане.
Работаю в ПАО КГК.

Стихи пишу с 2008 года. Печаталась в различных коллек-
тивных сборниках, в журнале «Сибирский край» и в литературно-
публицистическом альманахе «Тобол».

В 2014 году вышло два личных сборника – «Наваждение» и
«Мелодия души».

В 2016 году вышел сборник - «Откровение».

Участница многих поэтических конкурсов и фестивалей.

Дважды лауреат Международного конкурса «В стенах
серебряного века».

Победитель областного поэтического конкурса «Страна любви».

Жизнь - краткий миг

Душевный холод, но опять
Весна в мои стучится двери
И все забытые потери
Я начинаю вспоминать.

Но, стоит ли рыдать о том,
что было ДО и будет ПОСЛЕ
Ведь свой ковчег- плавучий остров
Я создала своим трудом.

Всполохи грёз,
Грусти дожди.
Спущен курок,
Но не война,
Минимум строк,
И тишина...

Это поэзия,
Неба созвездие...

1 ноября 2018 год

ВЕТРОВ Андрей

Не время предисловий

Подсунув грош судьбе под маховик
страшитесь метки «время предисловий»,
когда уже замыслен черновик
от небытья до судорог, до крови,
а новый день по-прежнему – врасплох
и правят бал нелепицы поныне.
Эх, кабы знать: удача иль подвох –
Объединять цветение полыни,
дыханье рек, ворчанье мостовых
в слова, чуть-чуть отличные от прочих?
Наличью душ, поистине родных
отнюдь не повод – выбеленный подчерк.
Любую мзду раздавит маховик,
когда в словах не сыщется частичек
твоей души, чей затвердевший крик
спасал всегда от быта и привычек.
Пока ищу то смысл, а то ответ,
топчу тропу то к храму, то к чертогу...
Ты знаешь, тень – обычный белый свет,
нашедший сквозь препятствие дорогу.

Мастер

Маленький кусочек пластилина
нежно поддающийся теплу,
из него с упорством властелина
человечка нового леплю.

Кажется, что сделано немало,
пройдено, наломано, всё впрок.
Долеплю и, скинув покрывало,
поднесу как жизненный итог.

Я трудолюбив и образован,
знаю где соломки подстелить.
Человека мне ли золотого
поплевав на руки не слепить?

Там где есть огонь, всегда есть сажа,
не идет работа, не идёт,
то чертёнок рожицу покажет,
то заблеет что-то и боднёт.

Рук, не опуская от бессия, я
мну я пластилин и так и сяк,
и порою видятся мне крылья,
как успеха будущего знак.

Ширится творение в размерах,
голос появился, дерзкий взгляд.
Я ж уперт, я знаю своё дело
обточу как глыбу водопад.

...разочарованью нет предела,
вкладывая душу и любя,
вылепил я то, что не хотелось,
вылепил подобие себя.

Дом

В том заброшенном доме давно не живут,
там старуха-разруха украла уют,
не дождавшись хозяев свои образа,
домовитый паук по углам навязал.
Но как только свой глаз открывает луна,

«Афганец» (погибшим на чужой войне)

Магнитофон на всю катушку,
Жара дневная, холод в ночь,
Наушников больших ловушка,
Кричать так хочется, невмочь,
Закрыть глаза и раствориться,
Перенестись к себе домой,
Воды колодезной напиться,
И с многочисленной роднёй
Смешные слушать разговоры,
Зайти в свой старый милый дом,
И с крыши сельские просторы
Обозревать в окне пустом,
В ночном считать на небе звёзды,
(она придёт, так суждено)
И камушком кидать в окно,
Вдыхая леса тёплый воздух...

Но всё кончается однажды,
Не долг был кассеты век...
Пытается от смертной жажды
Спастись военный человек!

Насупившись, густые горы
Удерживают перевал.
Сдувая с сердца свежий порох,
«Афганец» знайный улетал...

14 ноября 2018 год

Неба созвездие (о поэзии)

Минимум строк,
Минимум слов,
Сердца виток,
Буря из снов,
Белый корабль,
Парус души,
Жизни ноябрь,
Чаще дыши...
Мысли вразброс,
Замки любви,

Хозяин любил делать мебель, используя этот клей. Казалось, казеин подходил ко всему – от бумаги до дерева и металла, не верите? Приходите в гости, сами убедитесь. А какое панно появилось на стене гостиной! Художник работал быстро, с любовью. Особенно снизу было тяжело рисовать (ноги то у художника были больные), на коленях вроде бы неудобно, а на стульчике в самый раз.

Конечно, и годы бегут, и люди растут и уходят... Так и стульчик со временем стал никому не нужен до тех пор, пока его не обнаружила в кладовке дочь художника. И знаете, какая закономерность случилась? Маленький, крепкий, пыльный стульчик вдруг стал ей нужен! После принятия водных процедур и высыхания на солнечном балконе из него не выпал ни один гвоздик, да и брезент немного посветел. Хозяйка не стала убирать его в кладовку. Теперь стульчик помогает ей в хозяйстве: она встаёт на него (знает, что он ни сломается), когда развешивает бельё на балконе (высоко натянуты верёвки, не дотянутся). А самое главное: ей очень удобно на этом маленьком стульчике делать всё, что она хочет, ей удобно ТВОРИТЬ! И старый добрый художник никуда не уходил, он здесь, дома, вместе со своим маленьким стульчиком. А почему?

Да потому, что это маленький стульчик большого человека!

В тумане беззвучных аллей

В тумане беззвучных аллей
Заснежено жизни дыханье,
Не надо искать оправданий,
Раздумья твои всё смешней...

И ленточкой синего дня
Продолжится белое время,
Не надо искать объяснений,
Снежинкою вспомнишь меня
На сильной и крепкой руке,
Растаявшей льдинкой в ладони
Без чувства, без страха, без боли,
Мобиляника громким звонке...

Прошу об одном - не жалей,
Не думай о прошлом, не надо,
Укройся крылом снегопада
В тумане беззвучных аллей...

26 ноября 2018 год

появляются тени в проёме окна,
пробивается свет, растопляется печь,
выползают сверчки, что осталось стеречь,
половицы скрипят под усталостью ног,
уплыvает в окно ароматом пирог,
отражаются лица в осколках зеркал.
Разглядеть не могу, но я чувствую – знал.
Радиола, дряхлевшая в дальнем углу,
чертыхнувшись под пылью, вонзает иглу
в чернобокую плоть, словно в память мою...
Кто, покинув, здесь заново ищет приют?
По кому сквозняки в дымоходе ревут?
Не живут в этом доме, давно не живут.

Городу

Шепчут в спину витрины – пасынок,
В кабинетах в лицо – чужой,
Мне не жалко всего, что сказано,
Для того, кто ко мне спиной.
Ты себя мне предрёк, осознанно
Ритуальный язык сокрыв.
То, что ранее было познано,
Превратилось в большой нарыв
И течёт из него по капельке
Стихотворно – бредовый микс.
Сотни лун утопив в «Арабике»
Отыщу ли себя? Как икс
В уравнении, где нет равенства,
Где за каждым решеньем – жизнь.
Раздели же со мною таинство,
Путь без подлости укажи.
Я вживусь в твою плоть базарную,
В приносную закатом грусть
И в весну, от любви угарную,
Пусть не сразу, но я вживусь,
Привыкая, ты есть обратная
Сторона вековой глупши.
Знаю всё в твоём теле платное -
Отщипни от моей души
И заверь на остатке письменно
(Тушь заранее приготовь)
Наше правило - в жизни истинно
Только то, в чём живёт любовь.

Обязанность – верить

Под вечер октябрь примеряет фату
зардевшей, как девке, осине.
А мы выдававшую нас простоту
за пазухой носим поныне.

Казалось, осталась давно позади
обязанность – каждому верить.
Попробуй ещё раз меня убеди
что вера надёжней материи,

что глупо раздаривать время врагам,
когда есть дороги на вырост,
а роскошь – прощать передарена нам,
как самая важная милость

и наши слова не всегда – благодать,
всё чаще обиды пропажа.
Вот если б суметь сгоряча промолчать
и с музыкой слиться... Когда же

растянет сукно в серебристую нить
Аврора от края до края,
в своём расточительном праве любить
предстанет осина нагая.

Не моей любви...

Не моей любви ледяной кристалл,
Адресат не частых и постных «здравствуй»,
Ты пришла ко мне, когда черт устал
Монолит сердце разделять на части.

И куда ни глянь ты теперь во всём,
От проклятия Творца до Его основы,
Расцвела в пригоршне моей огнём,
Разгорелась пламенем чистым, новым.

Превратила робость в осенний дым,
Отыскала нежность в угрюмой маске.
За короткий срок не назвать родным,
Разучившись верить в любовь и сказки.

Маленький стульчик большого человека (папе посвящается)

Ну, не может творческий человек без дела сидеть! В его голове всё мысли колобродят, возникают, пропадают, заплетают, уносят... И уж, если какая попала, задела, засела, то обязательно замучит: ночью бесконницу позовёт, и днём ни есть, ни пить не даст...

В тёмном и пыльном углу старенькой кладовки стоял да стоял, никому не мешал, маленький стульчик. Ладно, был бы он простым старым стулом (у многих в квартирах ещё остались такие), а то ведь он был самодельным, и как оказалось, художественным творением одного доброго художника (художник давно умер, а стульчик-то остался).

В советские времена не достать было художнику маленького складного стульчика, а ведь он ему был ох, как нужен (и на пленэре посидеть, если нужно, и с натурой поработать, а краски размешивать, а вообще творить?). И решил художник сделать такой нужный стульчик сам: две крепких доски небольших размеров, брезент в несколько слоёв, гвозди, железные крепежи и тяжёлый молоток. И пусть стульчик не складывался, как сейчас продают, но верой и правдой несколько десятилетий служил он своему хозяину.

Комната, где всегда жил маленький стульчик, была волшебная! Кусочки алюминия вмиг превращались в руках художника в оригинальную чеканку, а из старого холста и почти высохших остатков краски за один вечер рождалась картина, украшенная рамкой с рукотворной резьбой по дереву самого автора. В комнатке всегда горел свет с утра до утра и неизвестно, когда спал и когда ел художник, поэтому и маленький стульчик не спал...

Чего только не видел маленький стульчик! Вот часы на стене остановились... Садится художник на стульчик и чинит ходики, а потом и красит их так, как ему нравится, добавляя придуманные и сделанные им самим украшения. Марки решил посмотреть хозяин (альбомов у него много, он же ещё и филателист), берёт большую лупу и под стук часов тихо-тихо листает альбом и так... до утра. А тут вдруг решил художник сшить дочери модную куртку-ветровку (материя есть и руки есть, и машинка подольская вздыхает и ждёт). И нет, чтобы за стол сесть да на стул большой, так художник всё делает на своём маленьком стульчике, и только на нём получает вдохновение! Да и внук бежит к дедушке, просит игрушку починить, а дедушка сидит на стульчике и из старых ненужных планшетов сколачивает внуку огромный деревянный ящик для игрушек, или шьёт чехол на коляску из парусины, сам шьёт, а потом аппликацией украшает. Ни у кого такой коляски в городе не было, только у его внука!

Конечно, и всевозможные немыслимые запахи, запахи творчества вдыхал наш стульчик: масляные краски пахли шикарно, жирно и стойко, гуашь тоже не подводила, но казеиновый клей не нравился стульчику. Но что поделаешь, тогда другого клея у художника не было.

Деревянный контрабас

Деревянный контрабас
В переулке на Арбате –
«Вы пришли. Берите, нате,
Я и в профиль, и в анфас!»

Чёрный цвет ему к лицу,
Не берёт беднягу старость,
А друзей уж не осталось...
«Подходите к молодцу!»

Старый добрый контрабас.
Он улыбкой всех встречает,
Так гостей он привечает,
Дорогой наш ловелас!

Было время: на паркете
Скрипка пела и стонала,
Всё в любовь она играла,
Баловались, словно дети...

Джаз играли, и на сцене
Контрабас жил полной жизнью.
Пролетела быстрой рысью
Жизнь концертная изменой...

И теперь не унывает:
Улыбаясь у кафешки,
Пропуская все насмешки,
В гости, старый, зазывает!

Деревянный контрабас...

Милион вопросов – один ответ,
Убежит мурашкой по белой коже.
Так приятно просто с тобой в обед
Разговор вести, подмечая схожесть.

И мы точно будем с тобой до ста...
Отстоится прошлое в настоящем...
Представляешь, свет мой, твои уста
Оказались в жизни гораздо слаще!

Мой огонь

Мой огонь не гаснет в твоей воде
Пополам пространство, невзгоды, мысли.
Я всегда желаю тебя раздеть...
Ты опять пытаешься нас прислить...

Заплетает времечко в кокон дни
Нам внутри него и тепло и ясно.
Ты взахлёб твердишь про дела родни,
Я смотрю и думаю – как прекрасна!
Милион имён для одной звезды.
Для одной реки перетиши и волны
Я едва подумать успею ты
повторить готова и все исполнить.

Засияло солнце в сетчатке глаз
И другого солнца уже не надо.
Я срываюсь вниз с небоскрёба фраз.
Ты ведёшь наверх, не давая падать.

На маяк любви лабиринт-тропой
Довела, не раз обнуляясь, память.
Серебристый снег стал живой водой,
А слепой фонарь озарило пламя.
Здесь по-прежнему всё родное

Возвращаюсь теперь не часто
в деревеньку молочных рос,
хоть и числюсь как раньше в пастве
почитающих сок берёз.

Здесь по-прежнему всё родное
(или память моя чудит?),
так же гуси шагают строем
под мохнатую тень ракит.

Так же кто-то незримый глазу
по озёрной рябой слюде,
располневшую тащит лабзу,¹
паутину сетей поддев.

И срывается раньше срока
на садовый душистый плед,
потеплевший с одного бока,
недозревший тугой ранет.

Так же вырвавшись редко в гости
я в лесу набираюсь сил.
Привыкая, что на погосте
стало больше родных могил.

Привет, Париж!

Нам ночь дана тобою насладиться,
приняв посып магических флюид.
Ты, как любовь презревшая блудницу,
манишь красой, не ведая про стыд.

Доступен многим, большими желаем,
спустив одежд готических покров,
так близок ты и так недосягаем,
в пленившем время, замысле творцов.

Без ревности проникнем в день вчерашний.
Он, как расшитый золотом кафтан,
прижат надёжно Эйфелевой башней
и Мулен Руж, пустившейся в канкан.

Летят минуты - времени солдаты,
быстрее чем над улицами стриж.
Шепчу тебе «прощай» в иллюминатор,
едва успев сказать «привет, Париж!»

¹ Лабза – плавучая трясина, плавучий остров.

Спектакль «Контрабас» собрал в зале Курганского драматического театра любителей и ценителей-профессионалов

Курганский театр удивил и порадовал зрителей новой мелодрамой немецкого драматурга Петрика Зюскинда «Контрабас», режиссёра Егора Гришина. Спектакль «Контрабас» потряс и убил, но всё-таки дал надежду. В главной и единственной роли музыканта-контрабасиста заслуженный артист РФ Сергей Радьков. 15 и 16 декабря состоится премьера моноспектакля.

Моноспектакль на маленькой сцене. Камерность и максимальное приближение к исполнителю заставило всех переживать и мыслить вместе с персонажем. Сто потов сошло с артиста! Только на таких спектаклях понимаешь всю значимость такой профессии, как актёр!

Трагедия... Одиночество... Тема маленького человека... Емко, сильно, глубоко, до дрожи, до озноба, до внутреннего неудовлетворения.

Детство. Зависимость и страх от отца-тирана. Музыка, так любимая мамой... Выбор. И... такое восхищение, такое прекрасное описание не просто музыки, а музыки издаваемой контрабасом (самом огромным и неуклюжим музыкальном инструментом). Он живой и мешается музыканту на каждом шагу. И даже в любви он присутствует внештатным наблюдателем... Сара, какое нежное имя, без любви нельзя жить никому. Надежда умирает последней и музыкант решается на обдуманный и рискованный шаг – крикнуть имя любимой на концерте, где будет выступать... А потом будь что будет. Наверно так и надо иногда в жизни поступать, особенно, когда это касается личного.

Минимум декораций в серо-белых тонах и огромный красный (можно сказать кровавый) контрабас в центре. Старые пластинки, ноты. А что ещё нужно человеку, добровольно отдавшему себя музыке, ставшего рабом, в буквальном смысле этого слова, контрабаса? «Как он любил и... ненавидел...» Точно сказано.

Каждый должен работать на том месте, где работает, должен делать то, что он умеет... Ах, как порой хочется, всё изменить, разорвать эту вечную связь, сбросить оковы! Счастлив тот, кто делает то, что ему нравится с удовольствием! И мы понимаем, пусть музыкант несчастлив в любви, нет роста по карьерной лестнице (хотя он и не такой старый), но он счастлив в музыке, ведь он делает то, что любит! Иначе, как бы он смог так объяснить и выразить словами МУЗЫКУ, так живо интересно, задыхаясь от счастья, как?!

Спасибо Курганскому Драматическому Театру за постановку такого мудрого моноспектакля, отдельное спасибо режиссёру Егору Гришину и, конечно, Сергею Радькову, который смог донести до нас глубокий смысл, заложенный в этой небольшой пьесе о музыканте-контрабасисте. Всё когда-то кончается, вечный круговорот. И я хочу на мажорной ноте закончить эту небольшую заметку своим стихотворением, немного грустным и всё-таки оптимистичным, всё бывает не зря!

Старый, старый новый год

Старый, старый новый год
Залетел в мою квартиру,
Подружившись с ветром зимним,
Бросив санки у ворот,

Пробежавшись по верхушке
Ёлочки моей в гостиной,
Мишуре блестящей длинной,
По сатиновой подушке,

Спрятался в большой кладовке
В ящик старого комода
Под альбом картин отцовский
И затих себе в угоду...

Старый, старый новый год
Залетел в мою квартиру...

Ты уехал...

А ты уехал, всё продав:
Квартиру, двухэтажный домик,
Родных оставив и знакомых,
Моё спокойствие забрав...

По улицам поёт метель.
Тебя я не увижу всуе,
Я сердце и любовь пакую,
А за порогом - канитель...

Я жить пыталась без тебя,
Но знала - ты со мною рядом,
Не нарушал мирской порядок,
Свиданий редкость мне даря...

За километром километр,
Стирая старые эскизы
С рождения и до самой тризны,
Рисует память твой портрет...

Оседает закат полынnyй

Оседает закат полынnyй,
Умножая печали втрое,
Не случившихся войн руины
Усмиряют село родное.

Меж домов с кособоким станом,
Тут и там, как гнилые зубы,
Возываются над бурьяном
Сломы стен и печные трубы.

В бесконечные дни досуга,
Тишины нарушая ужас,
Вороньё и хромая сука
У руин панихида служат.

Не нашедшие счастья в ЗОЖе,
Не сбежавшие в чудо - дали,
Мужики, да и бабы тоже,
В алкогольную кому впали.

Изольём, помолившись, горечь
Куполам в золотой оправе.
Даже если сегодня горе,
Грянет тост над селом за здравье!

Здесь в малом кроется...

Здесь говорят не «за водой», а «по воду»
И ходят в гости без звонка и повода,
Желают здравствовать с улыбкой встречные
И верят в ценности земные, вечные.

Здесь помнят всех и все гордятся предками,
А если прозвище дают, то меткое,
Встречают праздники с гармонью, плясками
И деток балуют под вечер сказками.

Здесь рыба водится с отливом золота
И щёки красные зимой от холода,
Листом и ягодой целит смородина,
Здесь в малом кроется большая Родина!

ГЛАЗКОВА Ирина

БЕРЁЗКЕ

Занесло меня в степные дали,
Ветер стужу кружит по земле.
Мне березки, помнится, шептали,
Что умру от них я вдалеке.

Не сейчас, конечно, и не скоро,
Только верно, что от них вдали.
Чем я виновата, что просторы
Меня манят в утреней сини.

А случится, что за далью зыбкой,
Упаду к степному ковылю.
То свою последнюю улыбку,
Я березке русской подарю.

РОДНОЕ

Кто не видел неба
С мягкой синевою,
Милы тому степи
С жесткою травою.
Милы тому степи
С трепетом ковыльным,
И щетина-кустик,
У дороги пыльной.

Только я родилась
Там, где слились краски
В тихой и томящей,
И тревожной ласке.
Там, где слились краски
В отлеске росинки
У лесной березки,
У лесной тропинки.

Я правилам не стану подчиняться
И, выключив свой добрый, старый комп,
Не слушая заученных нотаций,
Отправлюсь в гости, так внезапно чтоб!

Чаёк горячий, в кухоньке уютно,
Не надо угощений дорогих,
И в разговоре час пройдёт минутой,
Я утону в глазах твоих родных.

Ходите в гости, просто так ходите,
Даруйте душ чудесное тепло,
С собой улыбку и любовь возьмите,
И треснет равнодушия стекло!

Ходите в гости, просто так ходите...

Мухи белые пророчеств

Снежным мухам дела нету:
Разогнавшись о карниз
Быются. Белые сюжеты
На окошке сверху вниз!

Рой по улицам, бульварам,
На катке и площадях
Так бесшумно, как бывает
В зимних, долгих, сладких снах...

День ни день, и только к ночи,
Налетавшись, улеглись
Мухи белые пророчеств
С солнцем утренним сплелись...

Тиши да гладь! Рассвет румянит
Щёки бледные реки,
Небосвод залит туманом,
Пишет нежные стихи...

РЫЖОВА Ольга

Стихи пишу с детства, серьезно – с 1990 года. По образованию – журналист.

25 лет работаю оператором в здравоохранении Курганской области.
Люблю природу, книги, театр, фото и художественные выставки.

С трепетом отношусь к истории г. Кургана и Курганской области.

Восемь лет посещаю городской литературный клуб «Поэтическая горница». Печаталась в сборниках литературного клуба «Поэтическая горница» №8 и №9, №10, №11 «От сердца к сердцу», в газете «Театральная афиша», в журнале «Сибирский край». Выпустила два сборника «Грусть о любви» в августе 2010 года и «Море житейское» в июле 2012 года.

В 2014 году окончила филологический факультет кафедры «Журналистика» Курганского Государственного Университета по специальности журналист.

Ходите в гости

Как быстро мы привычки забываем,
Традиции и добрые слова,
И к новшествам по жизни привыкая,
Живём бездушно, словно сор-трава...

На праздники – лишь письма в электронке...
От аватарок, селфи, СМС
Рябит в глазах. А старой почтальонке
Носить уж нечего, таков прогресс...

ОСЕНННЕЕ

Я люблю эту осень раннюю,
В ней тревожное что-то есть.
Улетая в дорогу дальнюю,
Журавли начинают песнь.

Грусть придет тобой не замечена,
Не уснет шелестящим сном.
От того ли, что сердце мечется,
Между холодом и теплом.

ПОЭТ

Опять иду, взрываю души,
До сотрясенья, на излом.
Всю накипь подниму наружу,
Всю выброшу-
-Сияйте души,
В сиянье истинном своем.

МЫ ПРОЙДЁМ, ЧТО НАМ НАДО ПРОЙТИ

Крупные капли дождя,
Застучали о крышу вагона.
И уносят от нас поезда,
Сыновей наших снова из дома.

Трудно им в этом мире скорбей,
Уезжать от родного порога.
Но прошу тебя жизнею всей,
Пребывай, моя сыночка, с Богом.

Мы пройдём, что нам надо пройти,
Что положено быть и что статься.
Чтобы там, на небесном пути,
Нам с тобою во век не расстаться.

Крупные капли дождя,
Застучали о крышу вагона.
И уносят от нас поезда,
Сыновей наших снова из дома.

РОДИНА

Нас в открытом бою не сломили,
Победить не смогли и согнуть.
А теперь по кускам растащили,
Распродали Великую Русь!

Там без нас они всё порешали,
Как российский народ наш избыть.
Жили-были правители были,
Ну, а нам не положено быть.

О, ты, Родина, пряди седые,
И морщинки у стареньких глаз.
О, любимая, наша Россия,
Что ты смотришь с надеждой на нас?

Мы для мира давно не угодные,
Перед тем, как исчезнуть нам здесь.
Для тебя все поэты народные,
Пропоют лебединую песнь.

НА СКОРОМ

Лечу на скором поезде,
лечу на скором поезде,
А мимо проплывают года.
А за окном у скорого то ледники, то горы,
то степи, то дремучие леса.
А что?
Лечу на скором поезде неведомо куда.

Тебя встречают люди,
Кто с лаской, кто бьёт в груди,
Толкают из купе на товарняк.
И снова ты на старте,
Мечтаешь о плацкарте,
И невдомёк тебе ещё никак.

Что может испытание?
А может наказание?
За то, что ты когда-то насаждал.

Что ни год – погода разная,
Снег опять к окну пристал.
Вот и спорят лето красное
И холодная весна...

СОСЛУЖИВИЦЕ

Как Вам живется после работы?
Куда Вы спешите по вечерам?
Может Вас ждет с нетерпением кто-то
И скажет: «Устала родная? Я сам...»

Вы у порога замрете в объятьях
От поцелуя нежнее шелков,
Сердце рванется к небу от счастья,
От шепотом сказанных ласковых слов?

Спешите ль по кругу «детсад – магазины –
Ужин – уборка – на завтра обед...»,
И кроме детей Вас никто не обнимет,
И друга желанного нет все и нет?..

А утром опять тот же круг спозаранку,
«На уровне» быть и улыбку одеть.
И взглядам чужим незажившую ранку
За этой улыбкою не разглядеть?..

Простите вторжение в запретное Ваше,
Ведь в мыслях всего лишь вопросы мои.
Пусть дом Ваш всегда будет полная чаша
И полное сердце надежной любви!

Что проку в той золе уже холодной?
Ведь срок ее уже давно истек.
Но вдруг найдешь и понесешь в ладонях
Твой новый путеводный огонек...

Моим друзьям в далеких городах

Придет автобус «триста двадцать три».
Пустой ли, переполненный – неважно.
И хоть глаза в салоне просмотря –
Чужие все тебе на месте каждого.

Примчит автобус «триста двадцать три»
Как спринтер мчится на заветный финиш.
И снова хоть смотри иль не смотри –
Кого ты ждешь, в салоне не увидишь.

И можно много раз сменить маршрут.
Зачем? Едва ли сам себе ответишь.
Но тех, кто нас, наверно, тоже ждут,
На прежних остановках вряд ли встретишь...

МАЙ 2018-го

Небе, тучами объятое,
С холодами по утрам.
Май, погода непонятная:
Град со снегом тут и там...

Вдруг всплынут давно забытые
Чьи-то лица и края,
И мелодия нехитрая
Продолжением дождя.

Я смотрю как тучи хмурятся,
Ветер гонит их на юг,
Зонт прохожему на улице
Вывернет, рванет из рук.

Весь балкон и окна в зелени:
Все в рассаде – целый лес!
Каждый день ждем с нетерпением:
Будет солнышко с небес?

Лепечешь в оправдание,
«За что мне наказание?
Ведь я же всего этого не знал».

А вот, забавный случай:
подсел к тебе попутчик,
И рассказал про Бога, про Христа.
В ответ ты улыбаешься,
в ответ ты ухмыляешься:
«Ну надо же, какая темнота, а?»

И вдруг, на дальней станции,
на предпоследней станции
встречаешь неизвестного Христа.
Ну да! Того, над кем смеялся,
тихонько издевался,
И строил козни разные ему!
И, вдруг, лицом к лицу!

И сердце вдруг смущилось,
и сердце вдруг забилось,
И сердце вдруг открылось, навстречу Ему:
И голова склонилась,
Кричишь: «Ну дай же милость,
здесь, на Земле, ещё чуток пожить,
Чтобы тебе и людям немного послужить».

Но поезд отправляется,
здесь ждать не полагается,
При пересадке в вечность,
в сплошную бесконечность
Потащишь за собой земной багаж.
Здесь леность и беспечность,
упрямство, бессердечность,
А сколько там гневливости и зла...

И лишь в последней сумочке,
На дне последней сумочки,
в углу последней сумочки,
Немножечко добра!
О Боже! Дай мне силу!
Яви Господь мне милость,
Успеть Тебе и людям послужить!

ДЕТДОМ

Когда, друзья, мы с вами вспоминаем,
О годах нашей жизни трудовой,
Душистый чай мы с вами поднимаем,
За детский дом любимый и родной.

Пускай побиты окна, стёкла, двери,
И новых занавесок уже нет.
Но происходят все эти потери,
От тех, кто милым домом не согрет.

Из министерства, из ЦК, из дали,
Везут гостей и едут в этот дом.
Кого мы, братцы, только не встречали,
А всё ж пыхтим, и всё ещё живём.

Ужу комиссии в своих отчётах ратных,
Не выставляют нас за дураков,
Какие «вумные они робяты»
Но нам своё понятно и без слов.

Те, кто свои нервишки не порвали,
Ты их струны тugo натяни,
На этих струнах каждый день играют,
И каждый день на них пекут «блины».

Мужчины! В эту праздничную дату,
Что пожелать Вам, и о чём сказать?
Давай, записывай и нас в солдаты,
Мы вместе с вами будем воевать.

И может быть годочеков через надцать,
С каких-нибудь неведомых планет,
Детдомовцы, герои-космонавты,
И нам пришлют свой пламенный привет!

Пусть метель за окнами выюжит,
Распахну эту дверь наружу
И впущу целинную стужу,
Как понравится это мужу?

Я умру когда-нибудь от крика,
От чужого хамства на ходу;
Буду просто, походя, отпихнут
В безвозвратно-чёрную беду.

И оттуда, где глаза не видят,
Не успею им в ответ сказать
Как легко до смерти вдруг обидеть,
Не заметить это, не понять,

И метнуться дальше торопливо,
И опять кому-то нахамить
В спешке дел иль за бутылкой пива,
От привычки в никуда спешить,

Брать во всём локтями или глоткой,
Не щадя ни дальних, ни своих,
По-хозяйски твердою походкой
Всюду наступая на других.

Если ж слуха крик беды настигнет,
Головы не повернув назад,
Буркнут, словно сплюнют: — Ну, ты, чайник!
Чё орать-то? Сам же виноват...

Судьба чужая — дебри и потемки.
В своей, дай Бог, немногое понять:
Куда уходит истина с котомкой?
Где ложь затеет новый пир опять?

Где дней бесценных редкие кристаллы
Сам в спешке обронил когда-то в грязь?
И пусть их было до обиды мало,
Но с ними выжил там, где мог упасть.

И что душа и днем, и ночью ищет
И все никак не может отыскать?
И прошлых лет седое пепелище
Зачем упорно снится мне опять?

А девочка спала. На остановке
Отец унес ее, не разбудив,
Все также нежно кутая в ветровку,
И пел сквозняк знакомый всем мотив:

«Пусть всегда будет солнце...»

ЗАПИСКИ ИЗ СЕГОДНЯ

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Однажды я спешил куда-то по делам и решил срезать путь: пройти двором мимо дома, в котором когда-то жил. Невольно замедлил шаги напротив своего бывшего подъезда.

Вдруг дверь подъезда открылась и на улицу, вприпрыжку выбежал мальчик лет восьми. В нелепо длинной поношенной синей куртке с тонюсеньким подкладом, бесцветно-серых колготках и резиновых сапогах, болтавшихся на худеньких ножках.

Стояла середина ноября, пролетал снег. Порывы холодного ветра налетали один за другим. А мальчик словно не замечал этого. Звонко смеясь, он, также подпрыгивая, кружился на месте.

Следом за ним вышли, пошатываясь, две пьяные нищенски одетые женщины лет сорока. Мальчик засмеялся еще громче; «Мамка пьяненькая! Мамка пьяненькая!» Та, что шла впереди, глядя на него, с пьяной тоскливо-любовной улыбкой, с трудом справляясь со слоями, выдохнула: «Колокольчик мой! Звоночек мой!..»

А мальчик, по-прежнему звонко смеясь, побежал впереди еле держащихся на ногах матери и ее товарки.

Меня словно в ледяную прорубь окунули... Я не мог сдвинуться с места и все смотрел вслед удалявшимся в улицу...

Больше я ни разу не встретил этого мальчика. Наверное, если бы он опять также звонко рассмеялся, я бы смог узнать его среди других плохо одетых его ровесников, так часто попадающих сейчас нам на глаза. Только его смеха я тоже больше ни разу не услышал. Но и забыть эту случайную встречу не могу...

Так и знала – с морщился рыжий,
А давно ли меня искал,
По степи, в бураны на лыжах
Километров ты не считал.

А теперь тебе лыжи не надо,
Ты б весь день на диване спал.
Я хочу, я сижу, я рядом,
Успокоился, завоевал.

Так входи целинная стужа,
Погони из дома дремоту.
Что? Вскочил? Растираешь уши?
И зевота пропала? То-то!

ПРОСЫПАЕТСЯ УТРО

Просыпается утро чистое, синее,
Ветерок, пролетая играет листвой.
И согретая солнышком,
Обнимает Россия
Этот нежный и ласковый шар голубой.

И ликует душа, и полна песнопенья,
И стремится она к той высокой мечте.
Чтобы светом исполнена,
Как в День творенья,
Вместе с Господом делать добро на Земле!

А я набедокурю, а я нахулиганю,
А я мальчишкам голову возьму и затуманю.
Кому-то тихо-тихо, тихонько улыбнусь,
Пусть вечерами синими его съедает грусть.
Кому-то нежно, нежно в глаза его глядя,
Скажу: «Ну будь же ласков так и проводи меня!»
Затем в ладошки хлопну, себе скажу я: «Браво!»
Пусть штабелями падают налево и направо.
Такие откровения тебя позляет не мало...
Так я же подразнить тебя всё это написала.

Мне в мире удивительном твоём
Не долго солнце ясное светило.
Открылся он и в странном мире том
Меня хлестало и зачем-то било.

Ну, что же! К кораблям! Спешу, устав,
Скорей к своим мирам, своей земле.
Как раненый в полёте космонавт,
Несу любовь на сломанном крыле.

Мне б только дотянуть до этих звёзд,
До этих рос, до этой сини...
Мне б раны залечить у тех берёз,
Чтоб снова открывать миры иные.

ПИСЕМ НЕТ

Писем нет, писем нет и не ожидается,
Не отправлю конверт-пусть любовь кончается.
Ей бы греться, цветы под весенней сенью,
Только осень дожди загоняет в землю.

Только нам этот май на октябрь пришёлся,
По чужой, по судьбе холодом прошёлся.
А по нас ливнями тёплыми, синими,
Только разве от того можно быть счастливыми?

Полыхают небеса, полыхают травы...
Не отправлю письма, ей же не отправлю.
Над любовью моей тихи ветра плачи...
Вот люблю, а ухожу – не могу иначе.

Как много весен с той весны
Промчалось стаей легкокрылой!
И сколько клятв и слов пустых
За ними вслед еще уплыло...

И сколько незаживших ран,
Помимо разума и воли,
С весной вернется каждый раз
Все с той же нестерпимой болью.

И вспомнится нелепый марш,
И мысли будут биться слепо:
«Сегодня ты меня предашь...»
Тогда не мог я знать об этом...

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Особой яркой свежестью июньской
Клубилась зелень, мимо проносясь,
И девочка с косичкой – загогулькой
Сидела рядом с папой против нас.

Наверно, скучно было ей без дела
И надоела жесткая скамья,
И на сиденье встав, она запела:
«Пусть будет солнце, мама, буду я...»

Спокойно и серьезно, как молитву,
Один куплет допела до конца,
И, подложив под голову свой свитер,
Уснула на коленях у отца.

А тот, прикрыв певунию ветровкой -
С утра – прохладно, да еще сквозняк,
Погладил нежно русую головку
И улыбнулся дочке. Пусть никак

В ее молитве он помянут не был,
Но знали оба, видимо, без слов:
Где будет мама, дочка, солнце, небо,
Должна всегда быть папина любовь!

И – откуда взялся? –
Об узлы, колени
Тёрся пёс замурзанный,
Бездомный от рожденья.
Путь – кому короткий,
А кому – не близний:
Спят мои соседи
По вокзалу жизни.
В поезд её скорый
Есть для всех билеты –
Ехать бы и ехать
В нем по белу свету.
Только стрелки прыгают
На часах беспечно
К никому неведомой
Станции Конечной.

Когда мне было восемнадцать

«Сегодня ты меня предашь...»
Тогда не мог я знать об этом:
Был Первомай. Бравурный марш
Гремел над улицами слепо.

И духовых оркестров медь
Пылала солнечно и жарко.
Разлуки первой первый день
Так остро помнится и ярко.

Я нес в руке твое кольцо,
Подаренное накануне,
И видел лишь твое лицо
В беспечном многолюдье шумном.

Я вечер ждал и путь назад,
И ничего не мог поделать,
И каждый встречный циферблат
Был с тем же положеньем стрелок.

И поезд шел всего один –
Всего один, сквозь ночь и звезды
В наш город, где был я любим.
...Пришел, но только слишком поздно.

ДЯТЛОВА Марина

Слепец

Все то, что видел я, мне боле не доступно.
Как червь, во тьме я доживаю век
И становлюсь порой не в меру грубым,
Пытаясь вспомнить, но не помня, свет.

Глаза задравши в небо голубое,
Я, словно шутка над самим собой,
Брожу во мраке, темноты любовник,
Брат частой гостьи, что зовется боль.

Моя утрата не видна, так странно.
Но как горька теперь моя слеза,
Что вытекает не из глаза – раны,
Открытой раны. Что еще сказать?

Я Вас своим пустым пугаю взглядом.
Я часто слышу шепот за спиной
И чую страх пройти со мною рядом,
Брезгливы ужас рядом встать со мной.

Ведь все, что видел я, мне боле не доступно.
Как червь, во тьме свой доживу я век,
Возможно, став безумцем злым и грубым,
Пытаясь вспомнить, но не помня, свет.

Невыносимо?

Невыносима только мысль,
что все на свете выносимо.

И птицы вновь взмывают ввысь,
прохожий вновь проходит мимо,
весна приходит за зимой
и снег с рыданьем исчезает.

Мы возвращаемся домой
и смерти ждем своей часами
от ран полученных извне,
от всех уродливых увечий,
а свет всегда горит в окне,
хоть зимний день, увы, не вечен...

Свет вытекает из окна
и вновь вливается обратно -
так возвращается весна,
так воскресаем мы стократно.

Красная шапочка

Она носит всегда исключительно красный шелк
и по лесу без страха гуляет на зависть всем.
Если слушал внимательно, смысл уже нашел,
оттого и поближе к огню золотому сел.

Каждый путник проходит сто тысяч заветных верст
и одну, по которой пройти до конца нельзя.
Там она, сбросив плащик, покажет клыки, коготки и хвост.
Ты поймешь, что дошел и теперь нет пути назад.

Потому ярко-красным, кровавым всем видится чертов шелк,
покрывающий плечи и девичий хрупкий стан.
Если слушал внимательно, смысл уже нашел,
оттого и уставился в вязкий ночной туман.

Ее сладкие песни наводят на многих такую жуть,
что они по ночам забывают дышать, а не просто сон,
хоть и верят, найдется охотник когда-нибудь,
что решится столкнуться с ней прямо к лицу лицом.

Как старший и мудрый мой брат,
Что даст самый нужный совет.
Пусть годы летят на закат,
И пусть запасных к ним нет,

Но есть этот город, река,
И есть Зауралье – наш край,
Есть нивы его, облака,
Бездонное небо и май,

И пение птиц в вышине,
И детский заливистый смех!
Вы, может, не верите мне:
Я всё же счастливее всех!

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

*** * ***

В зале ожидания,
В городском вокзале
Вечер коротая,
Пассажиры спали.
Спали утомлённые,
В неспокойной дреме
В ожиданье поезда
И дороги к дому.
Спали две крестьянки
В плюшевых пальтишках:
Стареньких, заношенных.
Спали ребятишки,
Прикорнув на плечи
К мамам, их обнявшим...
Спал командировочный,
Обнимая ящик,
А портфель под голову
Был подушки мягче.
А на ручку лавки,
Навались неловко,
(Ватник – нараспашку,
Грудь – в татуировках)
Спал бродяга шалый,
Нахлебавшись лиха,
Как дитёныш малый
Всхлипывая тихо.

ПОКИДЫШЕВ Николай Александрович

Николай Покидышев, автор сборников стихов «Отголоски», «С тобою навсегда», «Неразделимость», «Звателный падеж», книги стихов и прозы «Осколок в памяти», участник коллективных сборников стихов «Жизнь кажется бесконечной. Зауральская поэзия в изданиях центра «Отклик», «Памятью написанные строки», «Спасительный свет», «Сказка детства» и др.

Стихи, рассказы, публицистические материалы Николая Покидышева публиковались в газетах, литературно-художественных журналах «Тобол», «Сибирский край», «Веси» (г. Екатеринбург), в «Роман-журнале XXI век, путеводитель русской литературы» (г. Москва), размещались на электронном портале Союза писателей России «Русское Воскресение». Член Союза писателей России, руководитель Клуба любителей поэзии «Сонет».

МОЙ АДРЕС – КУРГАН

Мой адрес «Курган» много лет
Не в паспорте – в сердце моём.
Везение это иль нет,
Мы вместе по жизни идём

От юности и до седин,
Сквозь счастье и горечь утрат.
Я с ним никогда не один,
Он рядом со мною как брат.

Но пока в старый лес никому здесь дороги нет,
и плененные страхом несчастные люди лишь
ждут, когда серенад не споет злобный монстр Луне,
а вокруг, только вслушайся - пенье цикад и тиши....

Персонажи

Свет леденеет, ложась на бумажный лист.
Строчка за строчкой чернила выводят судьбы -
тысячи поз бессловесных и громких лиц.
Думаешь, это и правда не так уж трудно?

Сердце разбито – осколков не соберешь.
Кто-то у края, а кто-то стоит поодаль,
просто любуясь вдруг вспыхнувшей вновь зарей.
Кто-то мечтает познать, наконец, свободу.

Все они связаны. Каждый сюжетный ход
ближе к финалу толкает того, у края,
как и того, кто поодаль и просто ждет
чувства свободы, с которым не умирают.

Холодно. Чуешь, как приторно пахнет жизнь
в самом начале, но близко к заветной точке.
Свет застывает, ложась на бумажный лист.
Судьбы выводят чернила - за строчкой строчку.

Черный король

Мой черный король, он устало вздыхает,
выходит из зала, во тьме коридоров
теряясь на время, бросаясь стихами
в ответ на мои ни о чем разговоры.

Он ищет защиты. Он просит пощады.
Он знает, как больно любить без ответа.
А я повторяю упрямо: - Так надо, -
и прячусь под лампой, лишившейся света.

Мне хочется споров и криков до срыва.
Мне нужно увидеть, как он умирает
от жажды и скорби в зрачке объектива,
как медленным шагом он близится к краю.

Мне важно услышать, что я - безнадежна,
что я безупречна и необходима,
ведь там, глубоко, под одеждой и кожей
мы чувством одним с ним давно неделимы.

Ночь на пирсе

Звезд не видно, когда ты включаешь свет.
Посидим в темноте, наслаждаясь уютом ночи.
Иdealного мира (увы или к счастью) нет,
но зато тот, что есть мне по духу точно.

Ветер пахнет дождем, сигаретами и тобой,
теплым море, что нам омывает ноги.
Может, это спокойствие - это и есть любовь,
о которой болтают так часто, давно и много.

В Питере

Снова город сплошных мостовых
своим грозным величием манит,
не оставив покоя в живых,
сжав до точки пространство меж нами,
подгоняя ветрами вперед
и дождями сводя под той крышей,
где, казалось, ничто нас не ждет
и никто нашу речь не услышит,
не заметит, как нам все равно
сколько времени и километров
было там, меж тобой и меж мной -
мы едины душою на свете.

В темноте мы едины вдвойне...
и лишь питерский абрис в окне.

Март

... и небо, не сумев отгородиться
от мира, что был призрачно далек,
теперь взирает в наши лица,
смешавшиеся с дымом и землей,

Но буря утихла, умчалась и сразу же,
Одетта и принц исполняют адажио,
И зал рукоплещет, и «браво» кричат,
И к ножкам Одетты букеты летят.

А он на плацу марширует исправно.
Ефрейтор кричит, то налево, то вправо,
То штык на плечо, а то снова назад,
Но он и не ропщет – он просто солдат.

Вот так и стоят на камине они.
Проходят безрадостно длинные дни,
А ночи ещё и мрачней, и длинней,
Он плачет и молча страдает по ней.

Но только однажды, звенящей весной,
Окно отворилось и ветер шальной
Влетел, загудел, потянулся к камину
И, вихрем кружась, подхватил балерину,
И тяга её понесла, словно конь,
И ноги обжёг вездесущий огонь.

«Держись, дорогая, я буду с тобой!»
И прыгнул в огонь оловянный герой.
И в огненном вихре их души слились,
И в высь голубую они унеслись.

И в час, когда в небе плывут облака,
Мы видим её, она так же легка,
Она грациозна, воздушна, мила,
Она своё сердце ему отдала.
А верный солдат? Он её сторожит.
Застыв от волнения, он рядом стоит.

Хотим мы умчаться от горя и бед,
От голода, страха и нищеты,
Мы едем и едем,
«Сжигая мосты».

Мы поездом едем, плывём по реке,
Мелькают чужие огни вдалеке.
Плывём Зайсаном –
Безбрежный простор!
И ветры с волнами ведут разговор.

Выходим на берег и едем вперёд,
И Тарбагатай перед нами встаёт.
Высокие горы, холмы и пески –
Нам, видно, на горе такие броски.
Зачем занесло нас в чужие края?
Наверно, планида такая моя...

БАЛЕРИНА И ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Она грациозна, воздушна, легка,
В изящном полёте застыла рука,
А он оловянный, он просто солдат,
Стоял на посту много вёсен подряд.

Смотрела она на него свысока –
Она от него была так далека,
А он одинокий, он сумрачен был
И самозабвенно актрису любил.

Стоят на камине и ночью, и днём,
И каждый мечтает о чём-то своём.

И видит она ослепительный зал,
И занавес взвился, оркестр заиграл.
И звуки взлетают, и звуки дрожат,
И лебеди в танце на сцене кружат.

И ищет Одетту взволнованный принц,
И чёрные тучи сгустились над ним,
И зло торжествует, литавры гремят,
И ужасом клин лебединой объят.

с туманом, гулом подворотен,
с метелью, что по-прежнему метет.
И взгляд его так пристален и кроток.
И кажется, заговорит вот-вот
белесое, но мартовское небо,
где солнца свет растрепан на лучи.
- Подайте мне, хотя б на булку хлеба.
Мне нужно - возвращаются грачи.

Горечь северных морей

У северных морей дождливая душа
и соль на раны здесь ложится мягче.
Я выдыхаю пар и больше не спеша
иду туда, где звезды светят ярче,

где в вышине озябшая Луна
спешит укрыться в миг за облаками,
и где бесконная холодная волна
несется к нам, где тянется руками

прибрежный куст, что как всегда дрожит
Он так печален снова не одетый...
Ему ль не знать, как непроста здесь жизнь?
Его не греют здешние рассветы,

где стон ветров под утро чуть сильней.
Но я люблю тосклившую прохладу,
я вдохновенье обретаю в ней.
Так не спасай меня от горечи, не надо.

Жизнь во сне

Мы дышим, и нам кажется - живем.
Мы сердце разбиваем, значит, любим,
схороненные заживо, живем
в коробках из бетона и иллюзий.

Весенняя тоска

Пространство от сих пор и до сих пор -
под ложечкой. Ты знаешь это чувство,
когда нутро с собой вступает спор,

что, где-то там все тихо, гладко, пусто,

что безмятежность – это мой удел,
и ничего ее не потревожит.
Но город сыр, он черен, а не бел,
и луч горяч теперь на тонкой коже.

Так странно и мучительно весна
с тоскою нежной вновь стоит у двери,
и, кажется, что я здесь не одна,
лишь потому, что в это свято верю.

Светофоры

Отчет ведет обратный светофор
и улетают прочь незыблемо мгновенья:
наш утренний ленивый разговор,
прощальное руки прикосновенье

и холод на душе, тут не виновен март,
но нежное желанье обернуться,
чтоб видеть, как встают стеной дома
вокруг тебя и как они сомкнутся

в конце аллеи, там же, где и ты
случишься точкой в нитке горизонта,
куда еще ведут твои следы,
но где-то там же вечно тонет солнце...

Лишь громкий звук спешащего авто
меня выводит из с собою спора,
иду вперед, а чувствую не то...
Отсчет ведут обратный светофоры.

Тогда меня отправили в больницу,
И все шептались, что я не жилец,
И надо же такому приключиться,
Не принял меня на небо творец.

Врачи меня с трудом, но «откачали»,
Чего-то влили, оживили кровь,
А на прощание матери сказали,
Что надобно питание и любовь.

С любовью у нас было всё в порядке,
Заботы тоже нам не занимать.
А вот питание? С питанием не сладко –
Ну, где его, питание было взять...

А надо было масло, печень, фрукты,
Ну, и, конечно, надо молоко.
Но где же нам такие взять продукты,
Ведь это только вымоловить легко.

В лучшем случае – картошка, ломтик хлебца,
Ну, а из фруктов, может быть, морковь.
И это – сладкое воспоминание детства,
И это – горькие картины, стынет кровь.

Да. нет, ребята, я не воевала,
Тогда совсем я маленькой была,
Но в полной мере я тогда познала
Всю суть того, что началась война.

МОИ «ОДИССЕИ»

Я помню дороги, я помню вагоны,
Мельканье вокзалов, мельканье перронов,
Туманный рассвет и багровый закат
И только колёса на стыках стучат.

Уходят, уходят вперёд поезда.
И снова мы едем. Зачем? И куда?
Быть может, за счастьем?
А, может, и нет.

Она войдёт легко и просто,
(Колодец рядом, за углом)
Скатилась шаль, простоволосой
Она внесёт морозца в дом.

И серый кот, глаза прищурив,
Морозный нюхает туман,
А он поднялся до печурок
И опустился на диван.

И в бак вода из вёдер льётся
Струёй холодною, как лёд,
И солнце за окном смеётся,
Невольно замедляя ход.

А я, забросив в сумку книжки,
Надев пальтишко и пимы,
Бегу во двор, где ребятишки
Потешки строят для зимы.

ДА НЕТ, РЕБЯТА...

Да, нет, ребята, я не воевала,
Тогда совсем я маленькой была,
И, откровенно, я не понимала,
Что началась какая-то война.

И было голодно и все вокруг вздыхали,
Что это всё – проклятая она,
И все её ругали, проклинали,
А я росла, и где-то шла война.

Не видела ни взрывов, ни бомбёжек,
Не слышала снарядов дикий вой,
И в плен меня не брал никто, но всё же,
Всё же, случайно я осталася живой.

Я – это бледный худенький ребёнок,
И анемия – спутница моя
Меня сопровождала от пелёнок
До самого трагического дня.

ЕФРЕМОВА Надежда Викторовна

Родилась и выросла в городе Шумихе Курганской области. Закончила среднюю школу № 4, после школы поступила и закончила Курганский государственный педагогический институт. Живу в Кургане, много лет работала в детских садах города, сейчас на пенсии.

Печаталась в журналах: «Воспитатель ДОУ» г. Москва, «Тобол», «Сибирский край», «Жираф» г. Курган, в газетах: «Детский сад со всех сторон» г. Санкт-Петербург, «Знамя труда» г. Шумиха, в сборниках «Поэтической горницы» «От сердца к сердцу». Печатаясь в основном под фамилией Томилова.

В журнале «Воспитатель ДОУ» и газете «Детский сад со всех сторон» материал напечатан под фамилией Ефремова.

Принимала участие в областном литературном конкурсе «Сказка детства», в открытом литературном конкурсе имени В.И. Юрловских «Своя песня» г. Шадринск, по итогам конкурсов имею дипломы, мои рассказы напечатаны в коллективных сборниках по итогам конкурсов. Победитель областного литературного конкурса «Страна любви».

Я жду твоего звонка

Так бывает, наверное, с каждым: вдруг однажды ничего не хочется. Сидишь, смотришь в одну точку, и не хочется ни-чё-го! Вера сидела в своем кабинете одна, смотрела перед собой и даже не думала ни о чём. «Чтобы дольше оставаться молодым, есть очень простой способ, - ворвался в ее сознание голос диктора, Вера равнодушно перевела взгляд на радио, - нужно чаще улыбаться!» на радостной ноте закончил вещатель. Вера хотела: «Всего-то!». Изобразив на своем симпатичном, но грустном лице широкую улыбку, подошла к зеркалу. «Мне уже это вряд ли поможет» - подумала, разглядывая свое отражение. Она продолжала улыбаться, но глаза оставались отчаянно печальными. «Уже под сорок, а ничего нет, ума в первую очередь» - подразнила она себя в зеркало.

В дверь заглянула Наталья Владимировна, заведующая отделом, она вопросительно посмотрела на Веру:

– Верочка, вы все еще на работе? – начальница удивленно подняла брови, – впрочем, как всегда, нечему и удивляться, – одобрительно и понимающе улыбнулась она Vere и удалилась, закрыв дверь.

– Уже ухожу, – крикнула вдогонку Вера, – не хочу домой идти, вот и сижу, – сказала она своему отражению, постояла еще немного, повздыхала, но чего народ-то смешить, надо бы уж идти в самом деле. Она вдруг заторопилась, наскоро причесалась, надела пальто, сапожки и буквально выскочила из офиса. Наверное, ей не хотелось, чтобы ее еще кто-нибудь увидел в столь поздний час в кабинете, а может быть ей просто захотелось пройтись по магазинам, что она и сделала. Совершенно бесцельно и равнодушно переходила она из магазина в магазин, благо было их много: практически все первые этажи жилых домов давно были отданы под салоны, аптеки, бутики или просто дешевые магазинчики. Вера и в аптеки заходила, и в ювелирные салоны. «А вообще, – вдруг пришло ей в голову, – надо себя чем-то порадовать, вот чего я хочу? Конфет? Нет. Сыра? Не хочу. Может быть, колбаски, – предложила она сама себе, – и колбаски не хочу» – тут же ответила, отворачиваясь от витрины.

Следующий магазинчик был обувной. Вера зашла в ярко освещенный небольшой зал, в котором каким-то образом вместилось множество стеллажей с обувью, чего тут только не было: и сапоги, и туфли, и босоножки, и просто тапочки. Она переводила взгляд с одного стеллажа на другой. Да, трудно здесь что-то выбрать, а если еще учесть, что тебе вообще ничего не нужно... Но взгляд вдруг остановился на ярко-голубых перламутровых туфельках. «Ну, надо же какие, и не дорогие» – удивилась, посмотрев ценник. Она хотела было спросить, почему они такие дешевенькие, но тут же поняла: уж очень неор-

Когда брусчатка ощущала
Их твёрдый и чеканный шаг
И их на подвиг провожала –
За грань немыслимых атак.

Тогда в бессмертие колонны
Шагали прямо с мостовой,
И кровью пенились знамёна,
И был последним первый бой.

И дни, и ночи были долги,
В жару и слякоть, дождь и стынь
С боями отступали к Волге
До Сталинградовых твердынь.

И в этом городе бессмертном
Дрались тогда за каждый дом,
За каждый шаг, за каждый метр,
Берёзу, иву над прудом.

Здесь каждый камень был отмечен
Следами взрывов, свистом мин,
Солдатский подвиг свят и вечен,
Весь мир склоняется пред ним.

Бессмертный полк – он вместе с нами,
Он в каждом городе, селе,
Живёт он нашими сердцами
И нашей жизнью на земле.

Бессмертный полк, мы не забудем
Ваш подвиг и великий труд,
И наши праздники и будни
Вам честь и славу отдают.

ДВОРИК МОЕГО ДЕТСТВА (К одноимённой картине В. Пичугина)

Зима в разгаре, белым кто-то
Окрасил землю, небосвод,
Сейчас откроются ворота
И мама с вёдрами войдёт.

Ни брони и ни охрани,
Да и скорость – не ахти.
Только знали капитаны,
Что они должны дойти.

У Нордкапа жадной стаей
Субмарины поджидали
Беззащитные суда.
Помнит солнце,помнит небо,
Помнит тёмная вода.

Бой был жестокий,
Нет, бойня – не бой,
Пеной вскипала вода за кормой,
Сыпались бомбы и в клочья рвались
Волны морские, поднятые ввысь.

С треском ломались суда пополам
И устремлялись навстречу волнам.
И леденящая гладь океана
Скрыла надёжно следы каравана.

Тайну поныне хранит океан.
Так почему же погиб караван?
Кто же ответит на этот вопрос?
Стал океан солонее от слёз.
Слёзы текут с берегов Миссисипи,
Волги и Темзы from village and city?
Скорби святое и искренней нет.
Чем их утешишь, найдёшь, где ответ?

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

По площади несли портреты –
Река народная текла,
Былая молодость планеты
В руках потомков ожила.

И в чёткой поступи колонны
Мы слышим ритмы тех времён,
Когда шагали батальоны
Под сенью боевых знамён.

динарные, долго будут ждать своего покупателя. «А вот и недолго! – тут же заключила, куражась, неожиданная покупательница. – У меня такой же шарфик – вот на что они похожи, – рассуждала она дальше, – куплю такую же сумочку, ничего придется поискать по городу, но куплю. Да это же просто супер, как здорово. Она заметно повеселела, посмотрела осторожно на размер – ее размер!

Уже минут через десять она шла по улице и улыбалась именно той улыбкой, которая делает человека моложе: счастливой улыбкой! Наверное, можно усомниться: вот уж счастье. Но ведь это же только начало!

«Это только начало! – записала Вера вечером в своем дневнике, да, она, как в допотопные времена, вела дневник, и ей это нравилось, – я обязательно что-нибудь изменю в своей жизни. Обязательно!». Ее переполняли какие-то непонятные чувства восторга и предчувствия чего-то значительного и странная уверенность, что обязательно что-то произойдет, интересное, яркое в ее жизни. «Я влюблюсь, непременно влюблюсь, я встречу его уже скоро. Ну и что, что мне тридцать шесть, любви все возрасты покорны... Какой сегодня необыкновенный день!». Она и не подозревала, что уже была влюблена вот в это свое приподнятое настроение, в свою решимость и уверенность что-то изменить в своей жизни. «Маринка давно уже зовет меня в какой-то развлекательный центр. Завтра пятница, и я пойду на танцы, да-да, на танцы!» – записала она последнюю строчку в дневнике, поставила дату: 28.02 и счастливая пошла спать.

На другой день даже погода была под стать настроению: было солнечно и по-весеннему тепло. Вера едва дождалась конца рабочего дня, быстрее всех собралась и поспешила к выходу, чем очень удивила всевидящую начальницу:

– Верочка, Вы сегодня как все: спешите поскорее удрать с работы.

– Да, Наталья Владимировна, сегодня у меня очень много личных дел, – на ходу ответила Вера.

– Спешите, Верочка, спешите, – продолжила вслед грустная Наталья Владимировна, – Вам давно пора спешить с личными делами, – добавила она добродушно, понимая, что Вера ее уже не слышит.

А поздно вечером в дневнике Веры появилась запись:

«1 марта.

Сегодня чудесный день!!!

На танцах, а мы попали на танцы «Кому за...», я познакомилась с одним очень славным человеком: Антоновым Сергеем. Надо же, не хотела ходить на эти танцы. Я его выделила сразу, возраста примерно моего, может чуть постарше, одет скромно, не кричаще, но со вкусом. На всех смотрел и ни с кем не танцевал.

И так сложились обстоятельства, что я его пригласила на танец. Он меня пригласил в ответ, согласно этикету. А потом ... уже не от-

ходил. Нет ... немного отходил. Я была с Мариной, а за Маринкой увязалась Валентина Ивановна, сменщица ее, которая над собой шутила весь вечер: «Мне пенсия скоро светит, а я туда же», но это она от смущения.

В общем, однажды, когда меня пригласил другой мужчина, с которым я без особого желания танцевала, а Сережа не танцевал, то я немного боялась, что он пригласит Марину, но потом подавила в себе это эгоистическое чувство и разрешила (мысленно) с ней по-танцевать, чтобы они не скучали. Но он смотрел на меня и, возможно, не думал ни о чем.

Сколько я приятного за этот вечер услышала, по-моему, за всю жизнь я не слышала столько нежных и ласковых слов. Он высокий и статный, даже странно, что такой мужчина пришел на эти танцы, мне кажется, что он пользуется успехом у женщин, на нас многие с завистью смотрели.

Потом он меня провожал домой, мы даже немного ... целовались, в подъезде, в доме напротив, и у Сережи упала даже шапка.

Про то, что я живу одна, я ему не сказала. Но если бы даже и сказала, то он все равно, думаю, не истолковал бы это превратно. От него веет порядочностью.

Около городского сада, он мне пытался заикнуться про то, что он специально пришел на танцы, но потом разговор прервался и мысли ушли в другое русло.

Работает на заводе, инженер, живет в третьем микрорайоне. А раньше, когда-то давно, это он так сказал, он жил здесь, где почтовое отделение. Надо же совсем рядом, а мы ни разу не встретились, да нет, скорее всего, проходили мимо друг друга.

Зачем эта встреча? Опять ждать и сомневаться?

Вечер был чудесный, я танцевала, а потом мы шли с Сережей по городу, разговаривали, еще он мне читал какую-то юмористическую вещь, а я смеялась. Обо всем говорили. Он как-то трепетно ко мне отнесся. Спасибо!

Как страшно! Лучше бы не надо ничего. Он уже сейчас, наверное, приехал домой, уже час ночи. Пора отдыхать.

Сколько всего наговорил, сколько спасибо, и за вечер и за то, что я вообще есть! Милый, милый человек! Взял мой номер телефона. Я уже жду звонка!»

На другой день Вера спала долго, не удивительно, уснула уже под утро. «Как хорошо, что сегодня суббота. Сережа позвонит, и мы пойдем куда-нибудь. Надо дома прибрать, чтобы все блестело» – с утра у нее было приподнятое настроение. Она сходила в магазин, закупила продуктов, почему-то всего захотелось: и сыра, и колбаски.

Точно знаем эту дату,
Точно знаем место, где
Караван PQ-17
Брошен был в большой беде.

Вышел он из Хваль-Феорда,
Грозен и могуч конвой,
В океан вступили гордо
Проторённою тропой.

Из Флориды и Панамы,
Из британских городов,
По ленд-лизу, в Мурманск прямо
Плыли тридцать семь судов.

Одиноко в океане,
Тишина стоит кругом,
Долго шли в сплошном тумане,
Льды и стужа за бортом.

Шли лавиною единой,
Охраняя их покой,
В воздух, на море, в глубины
Ощетинился конвой.

Только в стенах Хоум Флита
Все решили наперёд:
«Дескать, наша карта бита,
Если «Тирпиц» пущен в ход»

И приказ конвою точный
Был отправлен в тот же час:
«Возвращайтесь, дело срочно –
Опасаемся за вас».

И, послушные приказу,
Охранения суда
Поменяли румбы разом
Ост на вест и в путь айда.

Дымный шлейф над горизонтом
Растворился, как туман,
И, один под ярким солнцем,
Беззащитный караван.

НОГИНА (АНАРБАЕВА) Римма Григорьевна

Родилась 14 декабря 1936 года в маленьком городе Талица Челябинской области.

В Курган приехала в 1950 году. Здесь окончила среднюю школу, Курганская машиностроительная техникум, Курганская Государственный педагогический институт (физмат).

Работала 10 лет конструктором на заводе «Дормаш» в конструкторском бюро завода. С 1970 года работала в средней школе учителем физики, математики, черчения.

Стихи начала писать ещё в школе. С 2011 года посещает литературный клуб «Поэтическая горница», и клуб любителей поэзии «Сонет».

Печаталась в журнале «Сибирский край», издала пять сборников стихов: «Разнотравье», «От родного дома до Трои», «Последний редут», «Осенняя песня», «Апрельский снег».

ПАМЯТИ КАРАВАНА РQ-17

Память хранит то, что временем заткано,
И вспоминает всё заново, заново:
Строчки истории, жизни – страницы,
Судьбы, характеры, новые лица.
Память народа, память страны
Помнит подробно дороги войны.

Путь до Победы тернист и далёк,
Вспомним сегодня одну из дорог,
Вспомним и низко поклонимся им,
Павшим однажды, но вечно живым.

Потом занялась уборкой, дел накопилось много, но сегодня она прибирала в своей маленькой квартирке с удовольствием, ей нравилось все: и полы мыть, и пыль протирать, и кастрюли чистить. Вера до самого вечера, пританцовывая под музыку, наводила порядок, да и не заметила она, что вечер наступил как-то неожиданно быстро. Когда уже стало совсем темно и пришло включить свет, поняла, что день заканчивается, но радостное приподнятое настроение все еще не покидало ее, она еще и высохшее белье перегладила, потом поужинала, посмотрела телевизор.

«2 марта.

Какое чудесное состояние! Боже! Спасибо! Ты еще не оставил меня. Судя по всему, он один, но что-то у него произошло, возможно, у него кто-то растет или его предали? Он мне сказал, что я ему кажусь доброй. Как мне хочется скорее его увидеть. Хочется накупить цветов!!! Какой вечер, какая встреча! А если мы никогда больше не увидимся? Он, правда, хотел меня видеть. Я еще кому-то нравлюсь. И не кому-то, а такому чуду – как он. Завтра, 3 марта, он работает в день. Мое чудо!

Все в нем: внешность, одежда, речь, образ мыслей, отношение ко мне – совершенно!

Идеальный человек!

«...Вас хочу будить утром,
Рядом с вами быть в полдень,
С вами проводить вечер,
Закат и рассвет...
Но прошло без вас утро,
Но без вас погас полдень,
Пролетел без Вас вечер
И полночь во сне...»

Она долго не могла уснуть, переполняло щемящее чувство тревоги: почему он сегодня не позвонил? Наверное, был очень занят, но чем? Он говорил, что у него выходной. Даже, если сильно занят, можно же найти минутку, чтобы позвонить, это же так просто. А если что-то с ним случилось? Ведь я об этом никогда не узнаю!

В воскресенье она уже ничего не делала, все валялось из рук. «Почему он и сегодня не звонит? Сегодня, правда, он на работе, но все же... Да, собственно, он и не обещал, это я сама была уверена, что он позвонит сразу, как только проснется, – искала она оправдания Сергею, – это ты бы так сделала, – упрекнула она себя, – мало ли какие обстоятельства у человека. Сказал, позвонит, значит, позвонит, когда сможет». И это противоречивое настроение не покидало ее весь день: с одной стороны она искала оправдания Сергею, с другой, не могла дождаться, когда же он, наконец, позвонит.

Он не позвонил ни в воскресенье, ни в понедельник, ни во втор-

ник.

«5 марта

Сегодня ночью проснулась в 4 часа и до 5 часов не могла уснуть, все думала о нем.

Потом задремала, проснулась и снова все мысли о нем. Собственно, что произошло? Встреча? Но ведь не первая в жизни? И я выбита из колеи? Была днем в кафе и взяла лишь одну чайную лежку, потом сходила за большой, вернулась и увидела, что нет вилки. Какой-то кошмар! Как хочется его видеть, слышать, слушать, говорить ... Целовать! Представляю его в роли друга. Доброго, умного, чуткого. Жили совсем рядом и совершенно не знали друг друга.

Какой-то страшный приснился сегодня сон. Я была переполнена чувствами, эмоциями и это все отразилось во сне: я лежала с незнакомым мужчиной и целовала его, страстно, пылко, как бы я целовала Сережу. Мужчина еле вырвался из моих объятий и сказал мне, что чуть не задохнулся. Какой кошмар!

И хочу, чтобы он был для меня всем и не хочу. Боюсь, что когда мы (если вдруг это когда-либо произойдет) сблизимся, то все станет обыденным и он охладеет ко мне».

Шестого марта на работе случился, как всегда перед праздником, корпоративчик. Наверное, корпоративчик, это громко сказано: купили шампанского, тортик, нарезали бутербродов, Алексей с Данилом, два представителя сильного пола в их отделе, подарили мамам по веточке хризантемы и по шоколадке. Было очень приятно, да и небольшое застолье удалось на славу: поздравляли друг друга, шутили, ёрничали... Вера тоже пыталась смеяться и дурачиться, как все, но мыслями была где-то далеко. Это заметила Наталья Владимировна, она сначала по достоинству оценила наряд Веры:

– Туфельки просто шикарные. Вы прекрасно выглядите, даже сумочку подобрали под цвет туфель, но сами-то Вы где, Верочка?

– Что? – не поняла Вера.

– Что-то с Вами происходит, может быть, Вы влюбились, Верочка? – шепнула, улыбаясь, Наталья Владимировна, она и сама выглядела потрясающе: роскошное платье, дорогой макияж, только потухшие глаза предательски выдавали возраст.

– Да нет, что Вы, – неубедительно отмахнулась Вера.

Наталья Владимировна посмотрела на Вера долгим понимающим взглядом:

– Влюбитесь, Верочка, обязательно влюбитесь, – вздохнула она и уже отходя предупредила, – пока еще не поздно.

Каким бы хорошим не был вечер шестого марта, но у Веры на душе были смятение и отчаяние, уже ночью в дневнике она написала

- Это правда, Марина? Скажи, что это ложь.

Марина пересела со стула к подруге, обняла ее. На глазах появились слезы и сказала:

- Правда, милая, правда! Что же мне делать? Ведь я тоже баба! Ты умная, всегда помогала мне, помоги же сейчас.

Любаша отшатнулась от подруги. У нее перехватило дыхание. Она собрала всю силу воли, чтобы не вцепиться в Маринкину шевелюру. Крепко закрыла глаза и минуту недвижно сидела на диване. Наконец, нашла силы, чтобы уронить:

- Разве других мужиков мало? Зачем тебе Илья?

- Наверное, не мало. Но для меня твой Илья - единственный!..

- Это Марина. Ты мне нужен!

В ответ молчание.

- Слышишь, ты мне необходим! Когда сможешь прийти?
- Марина, я же... ведь мы решили...
- Приходи! Это не телефонный разговор. Когда тебя ждать?
- Хорошо. Завтра после работы.

Нарушая все правила, она раньше ушла домой.

Приняла душ. Тщательно, придирчиво осмотрела себя в зеркало. Навела макияж. Оделась не броско, но со вкусом.

Звонок в дверь! На пороге Илья. В руке гвоздики. «Значит, ко мне тоже не равнодушен. Это уже хорошо, - пронеслось в голове у хозяйки. - Проходи».

Илья вошел, вручил цветы и как-то виновато улыбнулся.

- Я ненадолго. Понимаешь, ушел с дежурства. Других наказывают за это, а сам...

Марина расхохоталась. В ней снова ожила бесшабашная девчонка.

- Мы оба с тобой злостные нарушители дисциплины. Раздевайся.

Сама принялась снимать с него пальто. Снова на Илью повеяло ароматом колдовских духов. «Дурман какой-то», - подумал он. Мучительно захотелось обнять упругое тело, утопить свое лицо в копне ее золотых волос.

Словно молния пронзила его. Он едва удерживал охватившую его нервную дрожь.

- Не стой, не стой у порога. Проходи.

Илья увидел тот же столик, те же бокалы и коньяк.

- Марина, - ты ведьма! Что ты делаешь со мной? Я с таким трудом восстановил свое душевное равновесие, по крайней мере, думал так, и вот... Ты знаешь, чего мне стоил новогодний праздник? Я теряю голову!

- Илья, я не могу без тебя. Это не я, это ты колдун. Чем ты околдовал меня? Я не в силах совладать с собой.

- Что нам делать? Нет сил и желания вырваться из этой сладкой западни.

- Оставим все как есть! Жизнь рассудит. Одно прошу - хоть редко, но приходи. Не бросай меня, Илья!

Городок небольшой. Все на виду. Как говорят, «шило в мешке не утаишь», «нет ничего тайного, что не стало бы явным». Как-то к Марине, прямо на работу, явилась Любаша. Едва притворив дверь, спросила: «Это правда?»

- Проходи, что ты стоишь у порога, словно ругаться пришла.

Любовь Ивановна опустилась на диван. Снова, с болью в голосе, спросила:

всего несколько строк и посвятила их опять же Сергею.

«Наверное, я все-таки влюбилась, даже Наталья заметила. В тот день, когда мы с Сережей возвращались домой, то по дороге нам попалась афиша филармонии: к нам приезжает гитарист Перов из Москвы. У него в репертуаре был обозначен композитор Вила Лобос, бразилец. А вечером по телевизору звучала его музыка, как по заказу. А на днях в автобусе я услышала песню, под которую мы танцевали. Очень многое и слишком часто мне напоминает о нем. А он почему-то пока не звонит, не знаю даже, что предположить. Надо было мне его номер телефона взять, может быть, я осмелилась и позвонила. Я думаю, что он хочет сделать сюрприз и появится, как красно солнышко, 8 Марта. Подарок! Я буду ждать».

Но она ждала звонка и весь день седьмого марта, если выходила из кабинета по делам, то возвращаясь, проверяла телефон, нет ли пропущенного вызова. С работы ушла вместе со всеми, но что делать, чем заняться, не знала. Может к Марине или к Кате сходить? Нет. Рассказывать им, что опять влюбилась невпопад, да еще и сама не знает в кого... Хотя с Катей надо бы повидаться, она человек чуткий, понимающий, разложит ситуацию по полочкам. Но не сегодня. Весь вечер, до самой ночи, тянулся томительно.

«8 марта

На часах – 1 час. Здоровья нет, сна нет, Сережи нет. Еще немного и я сойду с ума.

Все равно этот день - праздник! День встречи!

К шагам и шумам за окном прислушиваюсь, к шуму в коридоре тоже. Жду утром, днем, вечером, хотя чего жду? Он знает, в каком доме я живу, в каком подъезде, на каком этаже. Я ведь его совсем не знаю. Придумала опять! Разукрасила! Почему же он не дает о себе знать? Что он за человек?

А мне кажется, он чистосердечен и искренен был со мной. Хочется так думать. Вот уже и 8 марта. Настроение вроде ничего. А перед глазами снова он. Вижу его: могучий и нежный, милый и ласковый, с чудесной точечкой на левой щеке и говорящий, говорящий... Но где же ты?» – писала она поздно ночью в своем дневнике.

Утром восьмого марта, как ни странно, шел дождь, еще снег лежит, а сверху холодный нудный дождь. «Хорошо, что такая погода, мне такую сейчас и надо. Если бы было солнечно, было бы еще тосклинее, – рассудила Вера, глядя в окно, – а так, не нужно придумывать отговорку, чтобы никуда не ходить». «А если позвонит Сережа, ему ведь в такую погоду к тебе придется ехать из Заозерного» – подсказал внутренний голос.

– Вот уж точно: надежда умирает последней, – сказала Вера

вслух, – а если он позвонит, то какая разница, какая погода!

Да и не собиралась она сидеть весь день дома, кто кроме нее поздравит престарелую тетушку с праздником, единственного родного человека в городе, Вера и подарок ей купила.

До обеда Вера едва скротала время: и позавтракала, и телевизор посмотрела, и кроссворд поразгадывала, и чай попила, и цветы полила – время тянулось кое-как, она посматривала на телефон: «Что-то я сегодня никому не нужна». Часов в двенадцать начала собираться к тете Ене, так она называла Евгению Львовну. Вот тут-то и начались звонки. Первая Маринка позвонила, протараторила дежурные поздравления, посетовала на погоду, потом вдруг спохватилась, что они давно не виделись: целую неделю, и что она не знает даже, как у Веры развиваются события с тем мужчиной.

– Я тебе при встрече всё расскажу, – пообещала Вера.

– Как интересно. В общем, ждем тебя сегодня вечером, приходи скорее. Пока, – бросила трубку Марина.

– Я сегодня никуда не пойду, – сказала трубке Вера, но поморщилась: наверное, придется и к Маринке сходить. А, доживем до вечера – увидим, – отмахнулась она от непрошенных мыслей и пошла в комнату одеваться. Одеться она не успела, телефон снова зазвонил: тетя Женя, поздравила с праздником, деликатно поинтересовалась планами на день, когда узнала, что Вера собирается к ней, обрадовалась: «Ой, как хорошо, я как раз уже поставила пирог в духовку». Добрая-добрая, гостеприимная тетя Еня.

Уже когда Вера вышла из квартиры и закрыла дверь, снова раздался звонок. «Наверное, это Сережа», – рылась она в сумочке, и, как нарочно, не могла сразу найти телефон, но, когда нашла, увидела, что это Катя.

– Ты куда запропастилась, дорогая? – услышала она упрек подруги, – и я чего-то закрутилась, целую вечность тебя не видела. Приходи сегодня к нам, – предложила Катя, – и не смотри, что такая погода.

– Нет, сегодня не смогу, Катя, – но я к тебе скоро обязательно приду, может даже завтра.

– У тебя все в порядке, какая-то ты не такая.

Психолог Катерина, от нее ничего не утаишь.

– Обыкновенная я, – пожала плечами Вера.

– Именно что обыкновенная, а ты же у нас необыкновенная! Чего грустишь в такой день, слышу лифт подошел, куда отправилась?

– К тете Жене.

И у тети Жени Вера места себе не находила, она несколько раз

Через какое-то время, когда страсти улеглись, Илья сокрушался: «Что же мы наделали, Мариночка! Я ведь люблю свою жену и не мыслю жить без нее. Она прекрасный человек. Только благодаря ей я сумел закончить аспирантуру и сейчас готовлю докторскую. У нас сын. Что же будет...» «Успокойся, Илья.

Я не требую от тебя никаких жертв. Все останется между нами. Считай, что ничего не было».

После того случая Марина стала реже встречаться с Любашей, ссылаясь на дела. Но в канун Нового года подруга позвонила и категорически заявила:

– Новый год встречаем у нас!

– Я хотела съездить к тетке в деревню.

– В деревню? Никаких теток. Что ты будешь делать в деревне? Успеешь, съездишь после праздника. Приходи пораньше. Поможешь лепить пельмени. Илюшка вечно задерживается. К его приходу накроем стол. Валерка у дедов. Они ему устраивают праздник. Весь класс соберется. А мы будем праздновать здесь.

– Но ведь это семейный праздник?

– Правильно. Мы и есть семья. Ты ведь, голубка моя, мне и за подругу, и за сестру. Ближе тебя у меня никого нет. Сколько знаю – и у тебя тоже. Не придешь – обижусь.

Слабое сопротивление Марины было сломлено. Втайне она сама хотела быть у Кленовых. Ее тянуло к Илье. Увидеть его крепкую фигуру, блеск его очков, слышать приглушенный тембр голоса. Но она боялась выдать себя. А как это воспримет Илья? С той роковой ночи они ни разу не встречались.

И вот наступил праздник! Любаша и Марина, нарядные и разгоряченные, накрыли на стол. Хозяйка поставила в ведерко со льдом шампанское, достала скрипку.

– Ты что научилась играть на скрипке?

– Нет, это Илья. Ты его не слушала? Он чудесно музенирует. А я играю только на нервах,

– пошутила Любаша.

И стала звонить мужу: «Илья, ты скоро?».

Праздник провели чудесно. Опасения Марины не подтвердились. Веселились всю ночь, а утром она уехала на работу. И хорошо, что не домой. Привезли тяжелую роженицу с патологией. Пришло изрядно повозиться, к счастью, все обошлось. Родился крепкий мальчишка, и мамаше сохранили жизнь. После, расслабившись, Марина прислушалась к своему сердцу и поняла: Илья – не минутное увлечение. Это реальное глубокое чувство. «Поздняя любовь», – невесело пошутила над собой Марина. Как она жила раньше без него? Как будет сейчас без него? Не ведая, что творит, набрала номер телефона клиники. Трубку взял Илья.

Илья Ильич действительно оказался деловым, предприимчивым человеком. За короткий срок работы ему удалось оснастить клинику новым оборудованием, наладить четкую дисциплину среди персонала. За правило вошли утренние десятиминутки, где разбирали неудачи и успехи текущей работы. Периодически проходили консилиумы и семинары по тщательному изучению новинок и внедрению их в свою практику. Результаты не дали себя долго ждать. О Кленове заговорили как о хорошем руководителе и классном специалисте. В конце года он был приглашен в центр на конференцию крупных светил медицины.

В конференц-зале Илья Ильич случайно встретил Марину.

- Приятная неожиданность. Здравствуйте, Марина Григорьевна. Вы в какой гостинице остановились?

- А я Вас еще на вокзале заметила, не решалась подойти. Вокруг Вас была целая толпа.

- Это мои однокашники. Давайте условимся - домой поедем вместе.

Поезд прибывал ночью. Выйдя на перрон, Илья Ильич искал глазами такси. Но привокзальная площадь была пуста.

- Придется ждать до утра, - обратился он к Марине.

- Ну что Вы! Я живу в квартале отсюда. Пойдем ко мне. Утром уедете домой. Не сидеть же в зале ожидания.

Кленов согласился, и они быстро зашагали по ночному городу.

Марина, переодевшись в изящный халатик, сварила кофе и поставила на журнальный столик блюдо с бутербродами. «Придвигайтесь, Илья Ильич, а может, отметим приезд. У меня есть отличный коньяк. До утра все равно далеко».

После тесноты купе и жестких вагонных полок Кленов удобно устроился в глубоком мягким кресле. Его даже потянуло в сон. Но он постеснялся обидеть хозяйку невниманием и согласился.

- Пожалуй, Вы, Мариночка, правы. Перед новой рабочей неделей не грех расслабиться.

- Я уберу верхний свет. Вот коньяк, бокалы. На правах мужчины командуйте.

Марина тоже подвинула свое кресло ближе, так что ее колени почти касались Ильи. Поздравив друг друга с удачной командировкой, они отхлебнули по глотку. Приятное тепло разлилось по телу. Полусвет, мерцание янтарной влаги в бокалах вызывали лирическое настроение. Аромат дорогих духов Марины, ее стройная фигура, красивая поза все больше волновали мужчину. Возникали немыслимые желания. Илья сжал руку женщине и молча глянул в ее глаза. В них он прочел призыв. Извечный инстинкт потянул их друг к другу. Произошло то, что должно было произойти.

выходила в коридор, проверяла телефон, а потом и вовсе положила его на стол перед собой. Это, конечно же, заметила Евгения Львовна:

- Что ты сегодня маешься с телефоном, звонка от кого-то ждешь?

- Да. Жду звонка от одного идеального человека, - заносчиво ответила Вера.

Она понимала, что тетя Еня сейчас обязательно ее обо всем спросит, и Вера, хотя и не хочет никому ничего рассказывать, но ей расскажет всё: и какого идеального человека она встретила, и что он почему-то не звонит, но обещал, и что она беспокоится и не понимает, почему он не звонит. И, конечно же, тётушка очень засомневается, что Сережа – идеальный человек.

- Идеальный, - как эхо повторила тётя Еня, вздыхая, - я тебе уже сто раз...

- Да, знаю я, - перебила Вера, - знаю, что ты скажешь: идеальных нет, что я сама дурочка.

- Вовсе не скажу, - пожала плечами Евгения Львовна, - меня только удивляет, как ты умеешь восторженно относиться к мужчине, обожать, толком не зная его. Ты этого идеального хорошо знаешь? Когда это ты успела с ним познакомиться?

И Вера рассказала всё: и как они встретились, какой удивительный вечер провели вместе, и как она теперь ждет его звонка и переживает. Потом вздохнула опечаленная: вот, мол, как все нескладно получается.

- Глупенькая ты, ведь он тебе прямо намекал, что пришел на эти танцы «специально», а ты...

- Что я? И что ты поняла под «специально»? – Вера снова горячилась.

- Специально, - как-то многозначительно произнесла тётушка.

– Чтобы женщину подцепить, прости господи, а ты... придумал себе опять любовь. Он тебя проводил и тут же, в каком-нибудь баре, и нашел, что искал. Идеальный, – она обиженно по-детски поджала губы, ей было жаль Веру, и она сразу не полюбила Сергея.

- Ты бываешь такой несносной, – Вера резко поднялась и заспешила в коридор.

Евгения Львовна последовала за ней, оправдываясь:

- Вера, извини, извини меня, я не хотела тебя обидеть, – она не давала Вере взять пальто, – да я понимаю тебя, я и сама была такая же, перестань сердиться, не уходи, пойдем, допьем чай.

Ну как от нее уйдешь? Вера молча вернулась к столу. Они еще посидели немного, но разговаривать о чем-либо не получалось, каждый задумывался о своем, и вскоре Вера всё же собралась и ушла.

Остаток дня и вечер она провела дома одна, больше сегодня ни с кем не хотела разговаривать. Подружки звонили, но она не отве-

тила. Поздно ночью записала в своем дневнике: «На часах 0-02. 9 марта. От Сережи весточки до сих пор нет. Ушел в подполье или, наверное, уехал в командировку в Африку. Тётушка вывела у меня про Сергея, и осуждает мое восторженное отношение к нему. Я при ней смотрела часто в телефон, и она поинтересовалась, от кого я жду вестей. Я ей ответила, что от одного идеального человека, ну а потом все ей рассказала. Вот и все. Завтра, то есть уже сегодня, схожу к Кате, она вечером три раза звонила, а я не ответила. «Хочешь, я убью соседей, что мешают спать» – записала она последнюю строчку и усмехнулась:

– Вот так я в него влюбилась! – сказала вслух, повздыхала немножко и пошла в кухню пить чай, спать ей не хотелось.

Утром встала поздно, наскоро позавтракала, позвонила Катерине и отправилась к ней в гости. Как хорошо, что есть такие люди, к которым можно заявиться со своими делами и болячками в любое время.

– Я не понимаю, чего ты так убиваешься? Видела человека один раз... У меня слов нет. Ты его придумала, понимаешь? При-ду-ма-ла! Ты же его совершенно не знаешь, что он за человек? Ты влюбилась в тот образ, который сама и создала, – пыталась «докричаться» до подруги Катерина, когда та поведала ей об удивительном Сергееве, и том, как она переживает, что он не позвонил, – на самом деле он совсем другой человек.

Но Вера продолжала сидеть подавленная и, казалось, безучастная ко всему. Катя не узнавала ее: и это Вера? Всегда восторженная, неунывающая, во всяком случае при других, сильная, в конце концов.

– Вера! Ты слышишь, что я тебе говорю?

Вера в ответ смешно сгримасничала: слышу, мол, но легче мне от этого не стало.

– Так, если ты еще способна шутить, значит не все потеряно. Давай по порядку: что ты о нем думаешь, какой он?

– Он хороший, – вздохнула влюбленная.

– Конкретнее, Вера, конкретнее, что значит хороший, в чем это проявилось?

– Он добрый.

– Так, что доброго он сделал?

– Да отстань, что сделал, что сделал. Ничего он не успел сделать, мы знакомы всего один вечер, Катя, что за один вечер можно сделать?

– Так я тебе об этом и говорю: ты его совсем не знаешь. Что он за человек, как живет, чем живет, как поступает. Ты придумала себе такого, какого хотела бы встретить. Я тебе больше скажу: так почти со всеми случается. Мечтают, додумывают, представляют себе, даже уже когда знакомы давно и видят, что вроде бы как будто что-то не

практики и профессионального роста. Даже десятилетний Валерка был доволен. Наконец познакомится со своим дедом и бабушкой.

Встреча подруг была трогательной и бурной. Вокзал утопал в разноцветных осенних красках. За перроном стояли темно-зеленые кусты сирени. За ними свисали красные рябиновые кисти молодых посадок.

– Господи, Любаша, как я рада вновь услышать твой голос! Увидеть твой умный спокойный взор. Сколько лет миновало. Где те школьные беззаботные годы?..

– Думаю, больше десятка прошло с того времени, как мы расстались на этом перроне. Познакомься с моими мужчинами. Старший - Илья. Младший - Валера.

Марина протянула руку: «Очень приятно», – и вновь защебетала, глядя в глаза подруге:

– Помнишь, как мы лечили с тобой кошку? Валера, твоя мама начала медпрактику с лечения кошек.

– Полно тебе. Скажешь тоже...

Всю дорогу, от вокзала до дому, они вспоминали разные смешные и грустные случаи из своей юности.

– Любаша, ты выглядишь совсем взрослой дамой. Теперь ты Любовь Ивановна. Как у тебя с работой? Есть наметки?

– Думаю, найдется и мне место.

– Приходи ко мне в роддом.

– Что я там буду делать, «кесарево сечение»? Я не хочу терять квалификацию. Мне нужна серьезная хирургическая практика.

Марина вернулась домой запоздало. Своя уютная квартирка показалась ей пустынной и холодной. Где-то глубоко в себе ощутила непривычное чувство зависти. «Почему Любашке все, а мне ничего, – думала она. – Даже в институт поступила с первого раза, хоть и училась хуже. И муж у нее, и сын... Ой, что это я, – спохватилась женщина. – Надо радоваться за подругу. Если подумать-то, мне-то как раз больше и повезло. Я уж заведую отделением, веду научную работу, есть материал на диссертацию, а что у Любы? Работала простым хирургом. Сейчас на новом месте, еще не известно, как все сложится».

Марина долго не могла уснуть. Все ворочалась с боку на бок. Утром, выпив дежурную чашку кофе, поспешила на работу. «Муж. Ничего особенного, – продолжала рассуждать она, – не красавец! Я представляла его другим – высоким, стройным. А этот плотного телосложения, с крупной головой. В пол-лица очки в тяжелой роговой оправе. Зато, наверно, умница. Как его звать-то? А, Илья. Илья Ильич. Вот фамилия действительно красивая, Кленов».

По приезде Кленовы быстро освоились на новом месте. Марина почти каждый день виделась с Любашей. Любовь Ивановна не захотела работать под началом мужа, ушла в областную хирургию.

Полтора часа волшебной сказки! Когда в зале зажигается свет и душа вернулась в бренное тело, девчонка обнаружила, что судорожно сжимает руку совершенно незнакомого, сидящего рядом мужчины.

Краска стыда прихлынула к лицу. В замешательстве она пролепетала извинения и поспешила подняться с кресла. Но он прикрыл её руку своей широкой ладонью. «Ничего, ничего! Это бывает! Магия романса!»

Потом они гуляли по парку.... Прошло двадцать лет, как один день.

Снова улицы городка пестрят афишами: «Магия романса». И снова волшебные звуки музыки, и проникновенные слова распахнули душу для невероятно сладкой боли.

Коварство любви

Марина сладко потягивается со сна. Вставать рано. Постель еще дышит запахом мужского тела. Какая была ночь! Еще одна чудная воровская ночь любви. Задумалась, покусывая губу, как вышло, что она стала соперницей лучшей подруги.

Марина и Любаша дружили с детства. Поверили друг другу все сокровенное. Мечтали посвятить себя медицине. Когда Люба уехала поступать в институт, Марина переживала разлуку очень остро. Так не хватало спокойной рассудительности и pragmatичности подруги.

На следующий год она сама улетела из родного гнезда, но переписка их не прекращалась. Они все так же были близки и нуждались друг в друге. Особенно это ощущала Марина с ее неуравновешенным взрывным характером. Закончив учебу, вернулась в родной город. Из взбалмошной девчонки превратилась в хорошего доктора и теперь заведует родильным отделением. Она с головой ушла в работу. Ей нравилось дежурить ночами, помогать появлению младенцев на свет, успокаивать новоявленных мамочек, а после встречать немного ошеломленных, счастливых молодых папаш. Как-то незаметно прошли годы. Ей уж больше тридцати, а ни семьи, ни серьезной любви как не было, так и нет. Все реже оставалась дома, все чаще находила какие-то дела на работе. Даже приобрела в кабинет удобный мягкий диван, где и коротала ночи до утра.

Любаша была уже несколько лет замужем. Ее семья жила в одном из центральных городов. Она работала хирургом. Муж, тоже медик, окончив аспирантуру, получил предложение возглавить одну из клиник в родном городе жены. Больше всех этому была рада сама Любаша. Здесь открывались хорошие перспективы самостоятельной

так, а все равно оправдывают, идеализируют или думают, что вот потом-то, когда-нибудь, он обязательно будет таким, каким-то, сами не знают каким, – выпалила Катерина и выдохнула.

– Вот и договорилась: все равно не знают, какой он есть – человек, рядом идущий.

– С тобой точно договоришься, – отмахнулась подруга, она уже не знала, что и сказать.

– А Сережа, он добрый, я точно знаю, – упрямо твердила Вера, – глаза у него добрые, руки ласковые, трепетные даже и целовались мы... Я так целоваться больше ни с кем не хочу, – отрезала она.

– Да, тяжелый случай: если и поцелуй понравился, и руки, и запахи, и глаза покоя не дают...

– Чего ты ехидничаешь?

– Не ехидничаю я, успокойся. Так действительно любовь начинается, тут уж ничего не поделаешь, – подвела итог Катерина.

– Вот видишь!

– Ну и что? Ведь его нет, где он? Остальное ты уже сама придумала, – стояла на своем Катерина, – кто он, какой он, ты же не знаешь. Сколько раз тебе говорить? Может он алкаш, как вон у моей соседки Наташки, тоже добрый, ласковый, слова плохого не скажет, но пьет и пьет, не перестает. Красота! Или, как у Ирки, вспомни: вечно злой, недовольный, за каждую копейку ее шпигует, а ведь тоже замуж шла за любимого, доброго, ласкового.

– Давай уже чай пить, – предложила миролюбиво Вера, – хватит тебе меня уговаривать да убеждать, я и сама все понимаю, но все равно я его люблю, он солнце мое.

– Идеалистка ты восторженная, – ласково обозвала подругу Катерина.

Она уже хлопотала вокруг стола, выставляя угощенья,

– Но влюбиться это так здорово! – добавила она, вздыхая, – я бы хотела сейчас в кого-нибудь влюбиться.

– Ага, последняя кура со двора, – теперь забавлялась Вера, – ты уже влюбилась, подруга, сиди уже, детей воспитывай, мужа встречай. А если не хватает эмоций, представь, что Женя...

– Нет, даже представлять не хочу. Женя у меня вообще самый лучший!

Потом они пили чай, болтали. О чем? Да всё, как ни странно, о том же: о Сереже, о Жене, о других мужчинах, немного об артистах, о книжных и киношных героях... Катерина снова и снова убеждала Вера, что она всё придумала, Вера соглашалась, но отказываться от своей мечты, своей любви не хотела, и Катерина ей немножко завидовала, совсем немножко, по-доброму.

А время между тем неумолимо шло и шло вперед: началась и

закончилась весна, промелькнуло лето, пролетела и затянувшаяся осень. И конечно, время лечит, и Вера, хотя и вспоминала каждый день о Сергееве, но думала о нем уже как-то спокойно, с улыбкой, как о мечте, которая не сбылась, но осталась дорога. Она снова засиживалась подолгу на работе, Наталья Владимировна печальным взглядом провожала ее поздно вечером домой, а иногда приговаривала: «Вера, идите уже куда-нибудь, нельзя все свободное время просиживать на работе, не берите с меня примера, Вера!».

Зато успокоилась Евгения Львовна, она искренне желала племяннице добра и была убеждена, что «лучше жить одной, чем вместе с кем попало». «Вот я уже десять лет живу одна, — приговаривала она, — и ничего, а я бы даже сказала: хорошо!». «Тетя Женя, тебе семьдесят три года!» - возражала было Вера. «Ну и что?» — недоумевала тетушка и снова находила какую-нибудь подходящую цитату из Хайяма. И Вера больше с ней не спорила, а только улыбалась и думала о своем.

А вот Катя расстраивалась, что Сережа так и не появился. «Ты так в него влюбилась! Вот я бы так не смогла, к сожалению. А он? Да так ему и надо! Пусть вот теперь мается с какой-нибудь.., — пытались она хоть как-то поддержать подругу, на что Вера неизменно отвечала: «Я уверена, что у него все хорошо, ведь он такой замечательный».

Наступило то удивительное и вместе с тем по-хорошему беспокойное время в году, когда мы говорим «и вечер года к нам подходит...». Всех закружили предновогодние хлопоты. «Вот уж действительно: ожидание этого праздника порой лучше самого праздника, — думала Вера, глядя на мужчину с ёлочкой. Она стояла в автобусе с ним рядом, и хвойный запах ее будоражил и радовал. «Еще утро ранее, а он уже ёлочку где-то раздобыл, — улыбалась Вера своим мыслям, — хотя почему удивляться, на каждом углу продают, и продавцы порой спят в машинах у этих ёлочек». Ей показалось, что ее кто-то нарочно задел, она повернулась:

— Сережа!

— Здравствуй, Вера.

— Господи, Сережа! Как жаль, что мне сейчас выходить, — автобус уже остановился.

— Мне тоже, — улыбнулся Сергей, он вышел первым и подал ей руку.

Они пошли в одну сторону. Сергей молчал, он или не знал, что сказать, или хотел что-то сказать, но не решался, не уходил, шел рядом, опустив голову. Его молчание немного тяготило, и Вера чувствовала неловкость.

— Сережа, расскажи мне, как ты живешь, чем занимаешься? —

Даёт мне силы мощные
Стоять под ветром, бурями,
Не преклоняться хищнице —
Безжалостной беде.

Поклон тебе — любовь моя,
Единственная нежная,
Что песней лебединою
Случилася в судьбе.

МАГИЯ РУССКОГО РОМАНСА

В парке осень чувствуется заметнее, чем в суetливом городе. Сегодня выдался чудесный день. Правда рассвет был хмурым, да и не мудрено. Конец октября! Лёгкий иней посеребрил чахлые кусты бурьяна и траву на газонах. Но к полудню солнце разгорелось так ярко, что столбик термометра поднялся до +15. Ветра совершенно нет, а есть свежее дыханье осени. Под этим дыханием, немного грустным, с деревьев медленно, бесшумно падают листья и покрывают землю пёстрым ковром. В газонах редкими куртинками, доцветают астры. Осень машет рябиновой шалью уходящему лету и журавлиному клину, покидающему родной край на долгую зиму.

По аллеям парка стайками пробегают длинноногие студентки и весело щебечут, словно пичужки. Они совершенно не замечают грустного характера осени. Да и зачем им это? «Каждому овошу свое время». У них это время далеко впереди.

Грусть была заметна лишь одинокой паре, медленно бредшей по тропинке к пруду. И то: как они шли, как будто продляя время; их негромкий разговор, их низко опущенные, припорошенные сединой головы — всё было в унисон осени. Эти двое были в той критической поре, когда природа еще не отняла красоту тела и энергию духа, — а напротив — подчеркнула их шарм и всю прелесть бытия. Но она дала и первый звоночек, подтверждающий извечную истину, что всё не вечное! И что даже природа: «И жить торопится, и чувствовать спешит».

Эти двое вспоминали свою первую встречу. Такой же чудесный осенний день, и концерт русского романса.

Провинциальная девушка впервые прикоснулась к волшебному таинству настоящей русской старинной песни души. Сладкая боль романса уносила в немыслимые дали все её существо, когда сердце источает нежность, а душа заходится от счастья. Притягательная сила романса повергает в невероятно надрывную сладкую боль и растворяется в ней.

Хочу о Родине сказать

Полюбила луга и долины.
Неоглядность ковыльных степей,
Твое синее небо, Россия.
И доверчивость русских людей.

Соловьиные нежные трели
И березок щемящий мотив,
И черемух июньских метели,
И сиреневый призрачный дым.

Где еще есть такие красоты?
Может, есть? Далеко не была.
Даже если и есть, то всего-то
Для меня то чужая земля.

Мало жизни мне всей, чтоб напиться,
Насладиться твоей красотой.
Пока сердце в груди будет биться,
Не устану гордиться тобой.

«Любовь моя»

Далёкая любовь моя
Единственная, верная
Осталась там, в заснеженной
Волшебной стороне.

Снегами запорошена,
За далями, за весями,
Сквозь эти зимы с вёснами
Привет я шлю тебе.

Через года нелёгкие
Суровые, метельные
Прорвётся память светлая,
Она всей жизни суть.

И эта память нежная,
Любовь твоя безбрежная
Звездою лучезарною
Мне освещает путь.

робко начала разговор Вера, но тут же поморщилась, она понимала, что говорить надо или о том другом, самом главном, или уже вежливо распрошаться и разойтись, но как начать? Еще и сомнения: нужен ли Сереже этот разговор. Но он же почему-то не уходит.

– Вера, в тот вечер.., – у Веры упало сердце, он сам начал! – В общем, мне бы в тот вечер домой надо было сразу идти, – продолжал Сергей, – я так и хотел, правда, но знал, что не усну, – он вздохнул и снова замолчал, видно было, что его что-то мучает, и еще Вера поняла, что он сам хочет этого, почему-то тяжелого для него, разговора. Но почему тяжелого? Ведь он ей ничего не должен, ничего не обещал, оправдываться ему не в чем.

– Вера, я зашел в ночной бар, – признался вдруг Сергей, – посижу, думал, на людей погляжу, поужинаю, – снова молчание.

– Да и не было там никого, так, молодежь, человек пять, и я.

– Да, что случилось-то, Сережа, и почему ты оправдываешься?
– Вера была немного возбуждена, у нее блестели глаза, она улыбалась, но затревожилась, – неужели случилось что-то плохое, Сережа?

– Женщина ко мне там подошла, Вера, красивая, яркая, как потом оказалось, хозяйка этого бара.

– Замечательно, – обрадовалась чему-то Вера.

Все у нее было замечательным, казалось, что она не замечает ни состояния Сергея, ни прохожих, которые иногда на нее оглядывались, ни мороза.

– Это же замечательно, Сережа, ты теперь не один, с тобой рядом, я уверена, хорошая женщина, и живете вы дружно, мне так кажется, я просто уверена, по-другому и быть не может, – наверное, Вере не хотелось услышать эту горькую правду от него, она её и выпалила сама.

И если бы Сергей не остановился, она долго бы еще говорила. Они оказались напротив друг друга.

– Что-то не так, Сережа?

– Не так, – выдохнул он.

Они немного постояли, потом снова пошли в одну сторону.

– Да все вроде так, – первым заговорил Сергей, – и жить можно, всего хватает, и женщина неплохая, в общем-то. До денег только жадная, деловая, бизнес-леди все-таки. А так, заботливая, услужливая даже. Говорю, жить можно, – он говорил сбивчиво, досадовал, снова замолчал.

– Да нет, нельзя так жить, только и разговоров, что у какой-то Кристины шуба дороже, а она всего-то какую-то парикмахерскую держит зад..., – он осекся и поморщился, – да не то я говорю, всё не то.

– Ты хочешь что-то сказать, только не можешь, – догадалась

Вера, по его реакции поняла, что права, — ты можешь смело мне сказать, Сережа, да и кому, как не мне? — зачем-то добавила она.

— В том-то все и дело, что только тебе.

Он не мог сейчас рассказать Вере, что специально ехал в этом автобусе, а не в машине, в надежде её встретить. Он помнил, что этим маршрутом она ездит на работу, и что встреча эта не такая уж случайная. Сергей тяжело вздохнул:

— В общем, дочь у неё есть, — продолжил он, — шестнадцать лет девушке, монстр, а не человек, — добавил, вздыхая, — а ведь ребёнок еще, по сути-то, я и сам в ее возрасте противным был, понимаю теперь это хорошо, но тут особый случай. Из матери веревки вьёт, капризная, избалованная, только деньги и развлечения на уме, такое себе позволяет.., — снова замолчал, казалось, сдерживал себя, чтобы не заругаться покрепче.

— Вера, я ее терпеть не могу, представляешь? Сам себя за это ненавижу, но не переношу просто.

Некоторое время шли молча, Вера не знала, что и сказать, вот ведь, как бывает, и чего только на свете не бывает, даже в голову такое не придет.

— И ты знаешь, что я сделал, Вера?

— Я только знаю, Сережа, что ты ничего плохого не мог сделать, — уверенно заявила Вера, перебивая его.

Сергей был благодарен ей за уверенность, он ведь, собственно, и искал в ней этой поддержки, на мгновение улыбнулся каким-то своим мыслям, но тут же снова помрачнел.

— Я ушел от них неделю назад. Только ушел как-то... Наверное не так, а может так, в общем, сам не знаю. Просто, когда был один дома, собрал вещи и уехал. Записку только написал: извини, мол, Настя, жить с тобой можно, ты хорошая женщина, но дочь твою терпеть не могу, поэтому ухожу.

— Ой, Сережа, — встревожилась Вера, — про дочь, наверное, не надо было, женщины этого не понимают, ведь они любят своих детей самозабвенно.

— Вот и мне противно за самого себя...

— Но может быть еще можно как-то объясниться, — начала предлагать Вера, — может можно найти какой-то приемлемый выход.

— Какой выход? — не понял Сергей.

— Ну-у, можно ведь жить отдельно друг от друга, но сохранять отношения. Гостевой брак. Сейчас это очень модно...

— Вера, — перебил ее Сергей, — я ушел оттуда не только из-за девчонки... И ушел навсегда. Только ушел как-то позорно, — он снова горячился и досадовал на себя.

Вера посмотрела на него: «Какой он все-таки милый и как

МАЛОРОДОВА Римма Федоровна

Уроженка Тюменской области. В 1967 году закончила Курганский педагогический институт. Ее стихи печатались в конкурсном сборнике «Я люблю тебя, жизнь!», в журнале «Тобол», в газетах «Машиностроитель» и «Новый мир», в коллективных сборниках «От сердца к сердцу» литературного объединения «Поэтическая горница».

Автором подмечены и умно раскрытаются обычные жизненные ситуации. Ее стихи и рассказы — о родной природе, о смысле жизни, о любви.

Не уходи подольше, лето

Пылают летние рассветы,
А осень студит мне виски.
Не уходи подольше, лето,
И жар души не уноси.
Не уноси того, что было,
И даже то, что не сбылось,
Что белым облаком проплыло,
И в сердце болью отдалось.
Любовь к земле, вот к этим людям,
К тому, кто не из наших мест.
В моей судьбе не гладко было
(По жизни всяк несет свой крест.)
Пусть радость к жизни не поникнет,
Чтоб купол неба был высок,
Зима бы в сердце не проникла,
А холодила лишь висок.

Вопреки законам, всем известным,
Подчиняясь неразумной силе,
Так самонадеянно по-детски
Прикоснуться я к тебе решила.
И кому могу теперь пенять?
И смешно, и глупо, не серьёзно,
То, что больно с мясом отдирать
Мне себя от железяки мёрзлой.

*** ***

переживає!»

— Ты права, надо объясняться. Сегодня же.

Они стояли у входа в офис Веры, и Вера видимо уже опаздывала на работу, Сергей заметил, что в окно поглядывала миловидная пожилая женщина. Он даже улыбнулся:

— Извини, Вера, я задержал тебя.

Вера тоже оглянулась на окно.

— Это великолепная Наталья, она будет даже рада.

— Чему? — удивился Сергей.

— Тому, что я пришла, — отшутилась Вера, возбуждение ее не проходило, и она была счастлива, не смотря, ни на что.

— Вера, можно я тебе позвоню?

— Конечно, — она усмехнулась, он еще спрашивает.

Он мгновение подержал ее за руки и пошел, но тут же оглянулся:

— Ты телефон не сменила?

— Нет, — мотнула она головой.

— Я позвоню, — помахал он рукой и заспешил.

— Я жду твоего звонка, — Вера смотрела ему вслед, она знала, что он об этом догадывается, и знала, что ему это нравится.

Родилась в Шадринском районе в 1948 году.

До 7 класса училась в Батуринской школе, а затем семья переехала жить в Куртамышский район. Окончила Нижневскую среднюю школу. В 1970 году окончила Шадринский педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. После учебы работала корректором в Кетовской районной газете «Ленинский путь». С 1974 года проживает в с. Шмаково. Работала библиотекарем в сельской библиотеке, оператором в Шмаковском отделении Сбербанка.

Замужем, вырастили с мужем двоих сыновей (оба офицеры-юристы), подрастают два孙子.

Первые стихи начала писать еще в 5 классе, а когда училась в восьмом, ее стихотворения напечатали в Куртамышской районной газете. Во время учебы в институте, ее стихи печатались в областной газете «Молодой ленинец», затем в Кетовской районной газете «Ленинский путь».

ВЕСЕННЕЕ

Эх, весна, ты все-таки мне нравишься,
Хоть порой и холодна была.
Что же ты мне снова улыбаешься
Обещаешь счастья и тепла.

И зачем же плачешь ты капелями
Об одной несбывшейся любви,
Говоришь: не всё ещё потеряно,
И что жизнь, пожалуй, впереди.

Она у нас всегда стояла долго,
Высокая, в высокий потолок
Звездою упиравшаяся ёлка.
Из проводов и лампочек клубок
Гирлянды самодельной папа снова
Разматывал по ёлкиным ветвям,
И липли пальцы смолкою сосновой.
Снимали крышку, на которой гам
Лубочкой детьоры, бегущей к деду
С связанным, с подарками, мешком,
С коробки, чтобы с тихою беседой
За петельки опять внести в наш дом
Легко звенящую, в салюте блесток, сказку
Из тонкого немецкого стекла.

В ней, с маминой учительской указкой,
На деревянных «тюриках» была
Я – хрупкая, прекрасная принцесса,
Что пела песни и плела венки
В старинном замке у седого леса.
С любезностью склоняли парики,
Меня завидя, дамы, кавалеры.
Мне ласточки садились на плечо,
Из рук моих лесные звери ели,
И сердце доброе стучало горячо,
И очи голубые в даль глядели.
Я выключатель слева от дверей
Нажала, но не люстра, а на ёлке
Зажглась гирлянда тысячей огней,
Покрытых красным лаком – это только
Наш папа мог придумать, что когда
Год, приходящий в январе, встречаем,
То вместо света, через провода,
Ту сказку вечерами мы включаем,
Где в золото настенного наката
Вплетают тень прозрачные шары,
Где Дед Мороз из хрусткой белой ваты
Вот-вот уже раздаст свои дары,
Где мама с дочкой, крупной, не по маме,
Листая книжку, рядышком сидят,
На маленьком пружинистом диване.
Их карие глаза мечтательно глядят.
А рядом Пуня валик рвёт когтями.

Слыла философским замесом,
Природно-пытливым умом,
Ей был целый мир интересен,
И как всё устроено в нём.
Внимала, вникала, «въезжала»,
Волненья не в силах унять,
Немало о мире узнала,
Могла б ещё больше узнать,
Когда б наша умная мышка
Смышлённой была, но на грех,
Смотрела она только в книжку,
А не вокруг и не вверх.
Однажды от норки укромной,
Привычно забросив дела,
Одна в этом мире огромном,
Рассеявшись мыслью, пошла.
Плела аккуратно цепочку
По свежему снегу следы,
Вязала за строчеку строчку -
Стихи без мирской суэты.
А свод был огромен и светел,
А мысли просты и чисты,
Но хищник уже заприметил
Её с голубой высоты.
Увы, беззаботность сыграла
С ней страшную шутку: не в срок
В когтистые лапы попала,
Следов оборвался рядок.
Навряд ли придётся, я знаю,
Нам встретиться с ней, но могу
Сказать, что порою читаю
Я строчки на свежем снегу.

Осень

Из корабля на Землю полупьяную
Ступить сейчас опаснее всего.
Ах, объясните инопланетянину
Нездравомыслие законности сего.

Да и я, о будущем мечтая,
Будто вдруг очнулась ото сна.
А снега серебряные тают –
В этом мире властвует весна.

И опять зовет встречать рассветы,
Улыбаться солнцу поутру.
Только жаль обломанную ветку,
Что одна осталась на ветру.

Светит солнце яростно,
Лыжный след манит.
Убежать бы запросто
От былых обид.

Все деревья-кустики
Снегом замело.
Отчего же грустно так,
Если всё прошло.
Убегает в заросли
Быстрая лыжня,
Будут в жизни радости,
Но не для меня.

Лес под снежным натиском
Выстоял в пургу,
Позабыть бы начисто.
Не могу!

ЖЕНЩИНЫ, ВОШЕДШИЕ В ЛЕГЕНДЫ

Принося подругам поздравленье,
Я хотела бы в своих стихах
Выразить восторг и восхищенье
Женщинам, прославленным в веках.

Я забыть о них совсем не в силах,
И сама не знаю почему,
Представляю их отважных, милых,
Звездами, прорезавшими тьму.

И, вооружась мечтою дерзкой,
Я ночами бредила во сне
Формулами Софии Ковалевской,
Жанной Д'Арк, летящей на коне.

Зависть часто не дает покоя.
Я так жалела, что совсем не я
Уходила на разведку с Зоей,
Защищала Родину в боях.

Я о подвигах мечтала снова,
В мыслях цель заветную храня.
Только Валентина Терешкова
Улетела в космос без меня.

В этот день весенний и погожий
Я на крыльях радости лечу.
Быть на вас хоть чуточку похожей
Я опять отчаянно хочу.

Убегает время кинолентой
И летят, летят через года
Женщины, вошедшие в легенды,
Превратившись в звезды навсегда.

Была зима. В лесу берёзки стыли.
Холодный ветер пробирал до слез.
Напевы выюги душу леденили,
А я ждала Вас даже в тот мороз.

Пришла весна с черёмухой-метелью,
У нас в саду сирени куст зацвёл.
Из дальних странствий птицы прилетели.
И только мой любимый не пришёл.

А я иду созвездиям навстречу,
Давно луна за дальний лес зашла,
Ну, почему Вы не пришли в тот вечер?
Я так ждала Вас. Я Вас так ждала.

Бесшумно шмыгают в разные стороны
Шумиха, Мишкино, Юргамыш.
Светятся встречно Синие Горы.
Глаз семафора. Прибыли. Ш-ш-ш...

У окна

Остыло лето. Отлетевшей уткой
Последний выдох стих. Лежит впотьмах
Посмертной слепкой, так подробно жуткой
В витрине осень. В сморщеных чертах,
Подсвеченных холодным, едким светом,
С брезгливым содроганием узрю
Того, кто с восхитительным приветом
Встречал меня, кто красную зарю
Смущенья скрыть пытаясь за усмешку,
Мешал мне кудри, мысли и слова,
Дурачась, отнимал мою одежду,
В скользящий шёлк и пены кружева
Воды согретой уносил, танцуя,
Чей улыбающийся, мягкий, сочный рот,
Прозрачной влаги капельки целую,
Сушил мне кожу смуглую. И вот
Передо мной всего лишь только маски
Малёванные, только балаган
С мазками грубо брошенными краски.
Ну что же, за тебя теперь в стакан
Плесну, признав-таки за праздник.
Тугой причёской кудри уберу.
Я тут своя, я тоже в нём участник,
Танцмейстер на безудержном пиру,
Где в произвольном церемониале,
С хоров заслыши музыки едва,
Фигурами разученными встали
И заплясали мысли и слова.

**К фото Анатолия Дмитриевича Удачина
Басня про умную мышку**

Жила-была умная мышка,
Порою слагала стихи,
Шуршала страницами книжки,
Учила зверья языки,

С пятью подвальными котами.
Но, помнится, что год назад,
А, может быть, немножко позже,
Она давала маскарад
Своим котам в подпольной ложе.
В привычный раж она вошла,
Играла лихо, лицедейка.
То снежную пургу мела,
То грела солнечно скамейку.
И пела арии про сны,
И шла характерной походкой,
Вертела в воздухе блины
Над раскалённой сковородкой.
И грянуло! В признанья знак
Коты в восторге заорали,
Капели зазвенели так,
Что вниз сосульками упали.
Откланявшись, ушла зима,
Оставив на снегах автограф,
Надменно передав сама
Права из рук своих холодных.

Утро

Раннее утро дарует покой и уют.
Час для восстанья к трудам повседневным не пробил.
Тусклые звёзды по склону устало бредут.
Я в невесомо плывущей по кругу утробе,
Плотно свернувшись в кочующий в дрёмах комок,
Чувствую нежную силу её притяженья.
Знаю, настанет ещё не назначенный срок,
Центростремительность милую эту вращенья
Преодолев, я со здешней орбиты уйду
В гулкую даль, что покуда подспудно лишь винята
Чьей-то любовью в безмолвии ждущем саду,
Сущее всё пробуждающей утром прохладным.

К 2013-му

Пневмоцилinders вступили в дело:
Сдвинули двери друг к другу в стычку.
Длинным, холодным и гибким телом
Скользит к Челябинску электричка.

Уходят мальчики, уходят.
Кто на границу. Кто во флот.
Под звуки маршевых мелодий
Судьба солдатская идёт.

Звучат обрывки слов прощальных,
Два долгих года нужно ждать.
И глаз их юных, беспечальных
Нам будет так недоставать.

Уходят от родных и близких,
Чтоб долг свой Родине отдать.
Стоят безмолвно обелиски,
И долго им ещё стоять.

Когда-нибудь по тем просёлкам
Вот так же мой сынок уйдёт,
И, с ним простишись, долго-долго
Стоять я буду у ворот.

НАШИМ ДРУЗЬЯМ С ТЕПЛОХОДА «ШАДРИНСК»

Если даже будет путь нелёгким,
Всё равно сквозь бури он пройдёт.
Ведь назвали городом далёким
Этот самый лучший теплоход.

Океан опять зовёт куда-то,
И пути-дороги далеки.
Счастливого вам плаванья, ребята,
С теплохода «Шадринск» моряки.

Верим: наша дружба не угаснет.
Писем ваших ждём из дальних стран
И во сне нам снится очень разный
Тихий бесконечный океан.

А весна гуляет по горсаду,
Зажигает в сердце огоньки.
Счастливого вам плаванья, ребята,
С теплохода «Шадринск» моряки.

Вы вдали от зауральских клёнов,
Посреди отчаянных штормов
Вспоминайте шадринских девчонок
Даже у канадских берегов.

И опять над яблоневым садом
Кружатся шальные лепестки.
Счастливого вам плавания, ребята,
С теплохода «Шадринск» моряки.

*** * ***

День твоего рождения
Приходит как весна.
В полях труда кипение
Без отдыха и сна.

«ЗИЛы» зерном груженые
Без устали снуют.
Глаза твои весёлые
Мелькают там и тут.

В полях прохлада копится,
И речка холодна.
И осень к нам торопится,
А вовсе не весна.

Но почему мне кажется
Средь мира суэты,
Что не весной, а в августе
Рождаются цветы.

ЖИТНИКОВА Марина

Снегири

Во сне сминались по горизонтали
Детали, перепутались следы,
Тянулись тени, стены наступали
Углами перекошено. В пласти
Большого снега сверху, под рябину
Телами ягод склёванных узор
Бросали снегири. В её повинно
Пылавшей кроне снегирей собор
Сдирали промёрзший в сладость сок греховный.
Как гири гнули ветки снегири,
Раздувшись грудями. Проворно, ровно
Прошедшему подсчёт они вели,
Его признав, приняв и отпуская.
Когда же, наконец-то, стало пусто,
Слетела успокоенная стая.
Проснулась я. Не тяжело. Не грустно.

Разговор в декабре

Мне кажется, весне – не быть.
Ни калачами, ни блинами
Её уже не заманить.
С чего бы это? Между нами:
Она на пенсии. В борьбе
Устала пылкая старушка.
Теперь уделом ей в судьбе
Потёртый плед, да с кофе кружка.
Сказался долгий, трудный путь,
Стремление на ролях быть первых.
Ей ночью не дают уснуть
Её расшатанные нервы.
Терпенья не было без слов
Всё чаще оставаться крайней
Стараньем острых локотков
Подросших, что б их, дарований.
Друзья-подруги и родня
Её забыли за делами,
Теперь якшается она